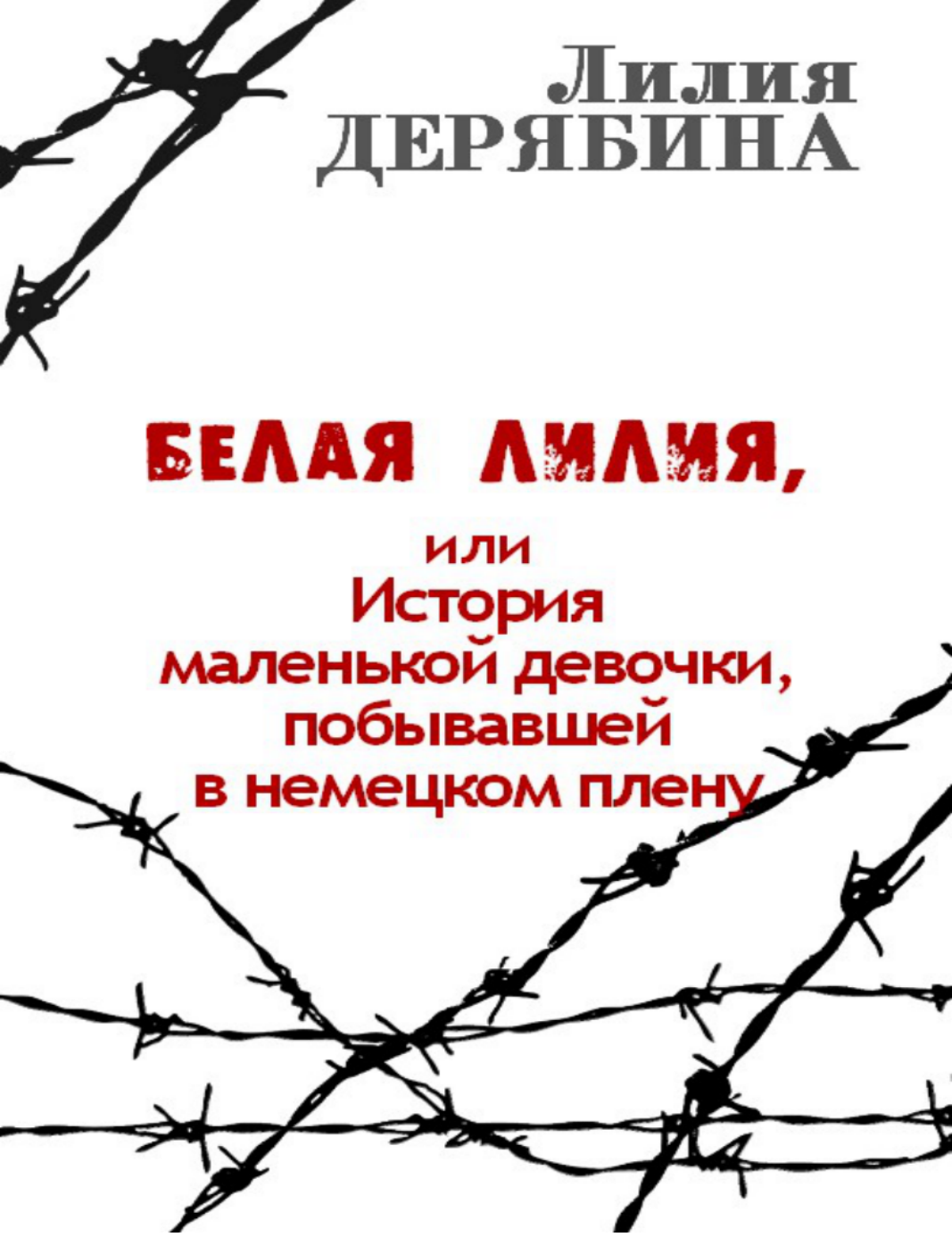
Лилия
ДЕРЯБИНА

БЕЛАЯ ЛИЛИЯ,

или
История маленькой девочки, побывавшей в немецком плену



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Воспоминания малолетней узницы фашистских лагерей.

- Лилия Дерябина
  - Предисловие
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Приложение

Лилия Дерябина
БЕЛАЯ ЛИЛИЯ,
или История маленькой девочки, побывавшей в немецком плену

Предисловие

Я — бывший малолетний узник фашистских лагерей. Так по действующему законодательству называется официальный статус детей, побывавших в немецких лагерях во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Зовут меня Лилия Васильевна, а в те военные годы я была маленькой девочкой, и звали меня просто Лиля. Вот от имени Лили я и буду вести свой рассказ о самой страшной войне в истории XX века, я — непосредственный её участник.

Мне хочется рассказать о страшных событиях той войны, которые тяжёлым катком прошлись по моей жизни. Таким тяжёлым, что я до сих пор просыпаюсь в холодном поту, если вижу сны из тех военных лет. Зачем я хочу рассказать? Для того чтобы нынешнее поколение узнало правду о той войне, о том, что на самом деле происходило и что пришлось вынести всему советскому народу (да, тогда мы были единым советским народом), особенно нам, детям войны. Именно детям пришлось тяжелее всего.

Мне много-много лет, а когда вы будете читать мои воспоминания (я на это очень надеюсь), будет ещё больше, а может, меня уже и не будет, ведь мы все — временные жильцы на этом свете. Многое пришлось мне пережить: и жестокие годы Великой Отечественной войны, и ад фашистских лагерей, и голодное послевоенное детство, и полную лишений юность. Что я помню из того далёкого времени?

И вот я стала погружаться в те далёкие годы. Всё глубже и глубже. День за днём я листаю страницы своей жизни и понимаю, что взвалила на свои плечи тяжёлую ношу. Днём я вспоминаю события штрихами, а ночью я просыпаюсь, и штрихи обрастают яркими деталями, людьми и фактами. Я лежу в постели, и перед моими глазами возникают отдельные эпизоды в мельчайших подробностях: я слышу выстрелы, немецкую речь, лай овчарок, плач и стоны людей. Я вздрагиваю и бегу на кухню, наливаю в стакан воды, капаю несколько капель валерианы, выпиваю и возвращаюсь в постель, но уснуть уже не могу. Утром встаю с тяжёлой головой и повышенным давлением. В какой-то момент я засомневалась: по силам ли мне пройти весь путь воспоминаний, нужна ли кому-то правда о той войне? Но моя память уже дала старт, картины прошлого не отпускают меня, они возникают в самое разное время.

Глава первая
Жизнь до войны

Великая Отечественная война 1941–1945 годов разделила жизнь всех советских граждан на две половины: до войны и после войны. А сама война — это ЧЁРНАЯ ДЫРА, в которую мы провалились в 22 июня 1941 году и выбрались из неё в 9 мая 1945 году.

Вот с этой первой половины жизни нашей семьи я и начну своё повествование.

До войны наша семья жила в городе Владивосток Приморского края. Наша семья — это папа Матюхин Василий Павлович, мама Дерябина Антонина Алексеевна и я, их дочь Лилия. Папа родом из Брянской области село Малое Полпино. Его родители работали в колхозе: отец — бригадиром, а мать — дояркой. Он закончил военное училище и получил направление на службу в Амурскую область. Мама жила в городе Сковородино Амурской области и училась в школе-десятилетке. Таких школ в те годы было очень мало.

Судьба маминых родителей была необычной. Её мать родом из знатной эстонской семьи, а отец мелкий торговец-еврей. Они полюбили друг друга, но им не разрешали пожениться. И они бежали из Эстонии. Вначале поселились в одном из западных городов России, где у них родились двое детей: Фёдор и Антонина — моя мама. Когда началась Октябрьская революция, они уехали вглубь страны, осели в Амурской области в тихом маленьком городке Сковородино, где революция не митинговала, не карала, а тихо внедрялась в жизнь города.

В этом городе и пересеклись пути моих родителей. Моя мама в то время училась в 10 классе. Невысокого роста, с густой копной тёмно-каштановых волос и миндалевидными зелёными глазами, она выделялась среди своих сверстниц. Гордая осанка, изящные жесты и тонкие черты лица выдавали её непростое происхождение. Папа сразу её заприметил и стал за ней ухаживать и даже пошёл к родителям просить её руки. Но родители поначалу ему отказали, объяснив, что их дочь должна закончить школу, а потом она поедет в большой город поступать в институт. Летом 1933 года отец добился перевода в город Уссурийск и снова пришёл свататься. На этот раз он получил согласие.

После свадьбы мои родители уехали в Уссурийск. В 1934 году родился сын Юлиан, который умер в 1936 году. В том же году

родилась я, через год — близнецы Генрих и Спартак. Ещё через год Сталинира (она родилась 21 декабря — в день рождения Сталина). Но все дети не доживали даже до года, умирали. Папа очень переживал из-за ранней смерти детей. В 1939 году родился Эдуард, но через 11 месяцев он заболел дифтеритом и умер в больнице. Папа с горя напился и с пистолетом бегал за врачами и кричал, что они виноваты в смерти его детей. Мама горько плакала на похоронах Эдуарда. К ней подошла незнакомая старушка и сказала: «Назови следующего ребёнка именем умершего, и он будет жить».

В 1940 году мы переехали в город Владивосток. Папа продолжал служить в армии. Мама работала в портовом ресторане «Золотой Рог» в должности заместителя директора. Мы жили в достатке, в хорошей квартире, в центре города. Родители радовались, что я расту весёлым здоровым ребёнком.

Глава вторая
Поезд идёт на запад

Папин отец, мой дедушка, настойчиво просил сына приехать и познакомить с женой и дочкой. Наконец мои родители решились на дальнюю поездку. В конце мая 1941 отец отправился в путь первым, а через 10 дней собрались и мы с мамой.

Хорошо помню наш отъезд. Мы на вокзале города Владивосток. Жаркое, душное утро приморского города. Меня и маму провожают на поезд Владивосток — Москва, мы едем в отпуск в город Брянск к папиным родителям; я, пританцовывая, бегала по платформе. Мама радостно улыбалась, её миндалевидные зелёные глаза так и искрились!

Прощались с провожающими легко и весело: ведь через месяц они снова будут нас встречать. Увы! Тогда мы и не предполагали, что уже никогда не вернёмся в свой родной город!

И вот мы в вагоне. Путь предстоял долгий. В нашем вагоне находилось всего двое детей: я и мальчик лет пяти. Мы весело резвились в проходе вагона. Пассажиры относились к нам дружелюбно, приглашали в купе, угощали чем-то вкусным. Помню, как кто-то крикнул: «Байкал!», и все кинулись к окнам. Вода Байкала подкатывала прямо под колёса вагона, и мне казалось, что вот сейчас наш вагон поплывёт по озеру, как корабль. Но земля постепенно отвоёвывала у воды пространство и всё дальше отправляла наш поезд на запад, навстречу нашей непростой судьбе, которая приготовила нам и всей стране тяжкие испытания.

В Брянске нас встречал дед, отец моего папы. Высокий, широкоплечий, статный мужчина, с пышными усами и яркими голубыми глазами. Когда мы: вышли из вагона, он поднёс руку ко лбу и, посмотрев на меня с мамой и весело подмигнув своему сыну, сказал моему отцу: «Вася, ты кого привёз, я что-то никого не вижу?» Подошёл к моей маме, обнял её, поцеловал, потом подхватил меня и посадил себе на плечи.

Недалеко у станции стояла подвода, запряжённая лошадью. Дед усадил всех на подводу, и мы тронулись в путь, в деревню Малое Полпино. Дорога проходила через густой лес. Я вертела головой, мне всё было интересно.

Подъехав к своему дому, дед открыл ворота, выпряг лошадь, дал ей сена и сказал: «Входите в дом, я познакомлю вас со своей женой. Её зовут Дарья». Он рано овдовел и перед самой войной решил жениться. Дед был видным мужчиной: высокого роста,

крепкого телосложения, розовощёкий, с яркими голубыми глазами, умел красиво ухаживать за женщинами. Многие незамужние девушки на него заглядывались. И он выбрал молодую и красивую Дарью. Она быстро подчинила себе деда. Он выполнял все её капризы, не заставлял работать в колхозе, всю работу по дому делал сам.

Поднявшись по ступенькам красивого крыльца, мы вошли в чистую горницу, украшенную вышитыми занавесками. Посередине стоял до блеска начищенный большой деревянный стол, за которым сидела молодая женщина. Дед обратился к нам: «Знакомьтесь, моя жена Дарья!» Потом ласково обратился к ней: «Дашенька, пожалуйста, накрой стол». Она вальяжно встала, постелила вышитую скатерть, поставила деревянные тарелки и ложки, вынула из русской печи большой чугунок и положила в него деревянный черпак.

Я впервые видела такую посуду и с интересом рассматривала её. Нам подали борщ. Дед сам разлил его по мискам. Борщ мне очень понравился, он был наваристым и душистым. Взрослые немного поговорили, а я хотела уже вставать, но дед сказал: «Я сейчас принесу похлёбку!» Я выросла в городе и знала, что на первое дают жидкое: суп или борщ, а на второе — котлету или рыбу. А жена деда принесла картофельный суп, заправленный молоком. Я закричала: «Не хочу супа, дайте похлёбку!» Я думала, что похлёбка — это что-то второе. Все засмеялись, а дед положил мне в тарелку кашу с куском мяса.

Мы устали с дороги и легли рано спать.

Утром, проснувшись, я сразу побежала во двор и увидела гусыню с гусятами. Гусята были такие хорошенькие, пушистые, что мне захотелось их погладить. В этот момент между мной и гусятами возникла мама-гусыня. Она тяпнула меня за руку. Я закричала и побежала, гусыня — за мной, ухватив клювом подол моего платья. Шум, крик. Прибежала жена деда, палкой отогнала гусыню, а у меня на попе остался большой синяк от её укуса. Больше я не делала попыток подходить к животным, которых было много во дворе деда. Тем более что вскоре события приняли серьёзный оборот.

Глава третья
Начало войны

Мы приехали в начале июня, а через полмесяца началась война. Отец, кадровый офицер, сразу явился в военкомат, где получил направление на фронт.

Почему-то проводы отца на фронт я запомнила особенно хорошо. Был солнечный день. Поезд стоял посреди поля. Мама обнимала отца и плакала, а я, не понимая, что происходит, прыгала, рвала цветы и пела. Мама окликнула меня: «Иди, попрощайся с отцом, он уезжает». Я подбежала к отцу, он поднял меня вверх, прижался щетинистой щекой, со слезами на глазах опустил на землю и, поцеловав маму, побежал к поезду. Я не могла понять, почему мама, захлёбываясь слезами, кинулась вслед уходящему поезду. Такое голубое небо, поле усеяно цветами, яркое солнце, птицы весело щебечут, а мама плачет! Папа уезжает, но он и раньше часто уезжал, и мама не плакала. Я почувствовала что-то неладное и насторожилась. Мама обняла меня и сказала: «Война, доченька, немцы напали на нашу страну». Я знала, что война — это что-то страшное, об этом папа часто говорил с мамой. Что-то в её голосе было пугающее, я расплакалась, и в моей детской душе надолго поселилась тревога.

Мама засобиралась в дорогу, она хотела как можно скорей вернуться во Владивосток. Мой дед (по отцу) сказал моей маме: «Я уверен, что война долго не продлится, оставайся, куда ты с маленьким ребёнком, да ещё беременная вторым». В те годы многие верили, что наша армия самая сильная в мире, что Гитлер не решится напасть на Советский Союз, а если и нападёт, то получит достойный отпор. И мама осталась.

Дед нежно относился к моей маме: ведь она жена его сына и к тому же красивая женщина. Дарье это не понравилось, и она уговорила деда поселить нас в Брянске в доме, который принадлежал ему. Небольшой дом, заходящийся на окраине города, состоял из большой горницы, маленькой спальни, несколько чуланов. Окна спальни выходили во двор, где росло несколько фруктовых деревьев и виднелся дровяной сарай. который расположился позади дома. Под домом большой подвал, куда дед завёз большой запас продуктов: овощи, крупы, муку, сало солёное, спички, соль. С таким запасом мы надеялись спокойно пережить зиму.

В городе было спокойно, хотя и чувствовалось тревожное напряжение. Люди собирались у репродукторов, слушали сводки

Совинформбюро, делились слухами. Сводки были оптимистичными: вот-вот наши войска перейдут в наступление, а слухи тревожными.

Месяца через два в небе над Брянском появились немецкие самолёты и начались бомбёжки. Первое время люди прятались кто куда: в канавы, в подвалы, русские печи, которые клались прочно и не разрушались при бомбёжках. Наши зенитные подразделения пытались противостоять немецким самолётам, но зенитных установок было мало, снарядов не хватало, и они быстро смолкали. Поначалу самолёты прилетали ночью, а позже стали прилетать и днём. Сбрасывали бомбы на важные хозяйственные объекты, а на бреющем полёте стреляли по людям, разбегающимся в разные стороны. Вскоре по инициативе местных властей были созданы бригады, которые успели соорудить несколько бомбоубежищ, и самое большое — около вокзала.

Однажды недалеко от дома я по поручению мамы собирала на лугу щавель, крапиву, лебеду. На мне было надето белое платье, и на зелёном лугу я была видна издалека. Вдруг в небе показался немецкий самолёт. Я не обратила на него внимания, увлёкшись сбором трав, и в тот же момент раздался свист пуль. Я подняла голову и увидела низко летящий самолёт со свастикой на борту и высунувшуюся голову смеющегося лётчика. Я бросилась бежать, а самолёт развернулся и ринулся на меня, выпустив град пуль, которые просвистели рядом со мной. Самолёт снова пошёл на меня.

Я побежала зигзагами, как заяц, споткнулась и упала на спину, случайно накрыв себя собранными травами и сжавшись в комочек, чем спасла себе жизнь. Самолёт в третий раз пролетел надо мной, я увидела искажённое злобой лицо лётчика, но он не разглядел меня в высокой траве. В этот момент застучали наши зенитки. Самолёт повернул на запад, но ему не дали уйти. Вскоре он загорелся, рухнул на землю и загорелся.

Ярко светило солнышко, только птицы не пели, напуганные стрельбой. А я лежала в высокой траве и смотрела на небо: оно было чистым, два белых маленьких облачка, кудрявых, как два барашка, которых я видела в соседнем дворе, плыли по нему. Я жива, жива, жива!

Я, маленькая девочка, вдруг ощутила радость жизни, и с тех самых пор я полюбила голубое небо и плывущие по нему белые облака, я черпала от него жизненные силы и позитив. И сколько раз за годы войны счастливый случай и добрые люди будут спасать нашу жизнь: мою, брата, мамы!

Глава четвертая
Жизнь в оккупации

Репродукторы продолжали уверять, что наши войска бьют немцев на всех фронтах, но уже в конце августа 1941 года немцы были в нескольких километрах от Брянска.

Мама работала в привокзальном буфете, я была рядом. Вдруг мимо нас пробежал солдат с большим мотком провода. Увидев нас, он закричал: «Уходите немедленно! Через час здесь будут немцы! Забирайте, что можете, и уходите. Мы будем взрывать вокзал».

Мама заметалась, не зная, что можно прихватить: ведь она была на пятом месяце беременности! Она лихорадочно схватила кусок сала, завернула в полотенце, потом набрала в большой ковш гречневой каши, и мы побежали.

В этот момент в небе появились немецкие самолёты, и мы кинулись к бомбоубежищу, которое было недалеко от вокзала. Мама крикнула: «Беги вперёд, занимай для меня место!» Я побежала, но, оглянувшись, увидела, как она бросила сало и ковш и заковыляла за мной. Я знала — ей стоять тяжело, а потому опрометью кинулась к убежищу, чтобы занять место. Когда я туда прибежала, все места уже были заняты. Я вертела головой, куда бы пристроиться. В углу сидела старушка, которая поманила меня пальчиком. Я подошла, она усадила меня на колени и, наклонившись надо мной, обхватила руками.

Вдруг недалеко прогремел взрыв. И нас всех, находившихся в бомбоубежище, накрыла кромешная тьма. На какое-то время повисла тишина, а затем раздались крики, стоны. Я сидела, прикрытая бабушкой, мне было жутко сидеть в её объятиях и очень душно. От испуга я закричала: «Мама!», но мне никто не ответил. Наконец послышались глухие удары. Это отряд спасателей-добровольцев пытался нас откопать.

Прошло часа три, полных ужаса, стонов, криков. Не хватало воздуха. Когда был проделан лаз, начали вытаскивать людей, которые могли самостоятельно двигаться. Я освободилась из холодных рук старушки и увидела, что голова её пробита бревном, и она мертва. Мне стало страшно, я кинулась к отверстию с громким криком, и мужчины за руки вытащили меня.

Я бегала вокруг спасателей и причитала: «Там моя мама! Спасите маму!» Побежала снова к дыре в завале, но меня оттащили. «Лучше покажи, где находился вход». Я показала, и они начали рыть. Вскоре появилась дверь, её с трудом открыли, и

я увидела лежащую маму. Её осторожно вытащили и осмотрели: ни ушибов, ни ран не нашли. Выяснилось, что она уцелела благодаря тому, что балки потолка бомбоубежища образовали над мамой пирамиду, которая и удерживала насыпь. А меня в тот день ценой своей жизни спасла старушка.

В конце августа 1941 года в город вошли немецкие войска. Первыми въехали на мотоциклах карательные отряды СС. Немцы рассыпались по дворам. В тех дворах, где была какая-либо живность, они вытаскивали из сараев свиней, кур, гусей. Тут же во дворах на глазах хозяев отрывали птицам головы, свиней резали.

Одна из наших соседок встретила немецких карателей «хлебом-солью», кланялась и приговаривала: «Слава богу! Явились наши освободители! Теперь большевикам оторвут головы!» Но и в её дворе было то же самое: вытащили огромную откормленную свинью, перерезали ей горло и начали сооружать вертел. Хозяйка закричала, кинулась к немцам, пыталась оттащить их от свиньи, но её бесцеремонно оттолкнули. Она снова вцепилась в немца, который разделывал тушу свиньи. Тогда её с размаху стукнули автоматом, и она замертво упала рядом со свиньёй. Такие сцены повторялись и в других дворах. Заселялись солдаты в те дома, где находили запасы продуктов.

В нашем доме скотины не было, но в подвале, куда они заглянули, хранились завезённые дедом продукты. Немцы заняли большую горницу, а нам оставили маленькую комнатку. Один из карателей ткнул маму в живот: «kinder-partizanen! (партизанский ребёнок!)» — и захохотал. Мама испуганно залепетала: «nein! nein!» — и быстро убежала. Она слышала, что были случаи, когда каратели вспарывали беременным женщинам животы. На этот раз всё обошлось, солдаты быстро забыли о маме, вытаскивая из подвала наши запасы. А мама после этого случая стала носить папину бурку, в которой не видна её фигура, а платок натягивала до самих бровей, чтобы немцы не обращали на неё внимания.

Через две недели каратели двинулись дальше. Мы немного успокоились, но когда спустились в подвал, мама села на ступеньки и расплакалась: большая часть продуктов была съедена, осталось немного картофеля, крупы, репы и большая часть красной свёклы.

Вскоре в город прибыли войсковые части. Они начали наводить свой, немецкий порядок. «Ordnung, noch ordnung (порядок, ещё раз порядок!)» — слышали мы постоянно. Была создана Брянская управа, в которой работали немецкие специалисты, а в помощники они брали из числа местного

населения. Многие шли работать к немцам по собственному желанию и убеждению, других заставляли. Люди прятались, старались не попадаться на глаза немцам, но это не всегда помогало. На нужных специалистов указывали те, кто работал добровольно. В дом к ним приходили солдаты и уводили на работу, не спрашивая их согласия. Если кто-то сопротивлялся или отказывался, отправляли в гестапо. Это такой следственный отдел, где во время допросов людей подвергали страшным пыткам: избивали, вгоняли под ногти иголки, ломали кости, прижигали калёным железом, а потом расстреливали. Гестапо наводило ужас не только на советских граждан, но и на граждан Германии.

Встаёт перед глазами ещё один страшный случай, после которого я изменила своё отношение к войне. Мы, дети, не сразу осознали весь ужас войны. Небольшая группка детей играла на проезжей дороге. Вдруг из-за поворота показались три танка. Дети бросились врассыпную, но одна маленькая девочка осталась на дороге. И мы увидели, как первый танк продолжил своё движение и наехал на девочку. Раздался душераздирающий крик и тут же стих. Мы в ужасе застыл. По распластанному телу девочки проехали и два других танка.

Вместо девочки на дороге под разодранным платьем лежала кучка костей, мяса и крови. Внутри меня что-то оборвалось. Я оцепенела. В этот момент раздался крик матери девочки. Она встала на колени перед тем, что осталось от её дочери. Потом подняла руки к небу, воскликнула: «Господи! Как ты мог это допустить?» — и застыла неподвижно. Я подошла к ней, сняла с её головы платок, спокойно собрала на него останки девочки и подала их матери. Она вздрогнула, прижала узелок к груди и медленно ушла.

С этого дня я разучилась смеяться, плакать и перестала чего-либо бояться: немцев, бомбёжек, свиста пуль, изувеченных тел, крови, мертвецов. Похолодевшая и напряжённая внутри, я всегда была настороже. Я приняла войну со всеми её ужасами как данность, в которой приходилось не просто жить, а выживать.

В наш дом вселились офицеры-танкисты. Они также забирали наши запасы продуктов, добавляя к ним свой паёк. Из всего этого мама должна была готовить для них еду. Она ходила в широкой тёплой кофте, на голове большой платок, повязанный до самых глаз. Поэтому офицеры не обращали на неё никакого внимания и не замечали, что она беременна.

И вот наступило время родов. 22 декабря 1941 года. Мы с мамой жили в маленькой комнатке, а офицеры спали в большой

горнице. При родах рядом с мамой никого, кто бы мог ей помочь, не было. Я крепко спала в кровати и проснулась от того, что мне под бок что-то положили. Открыв глаза, я увидела маму, она приложила палец к губам и тихо сказала: «Это твой братик, его зовут Эдик». Видимо, она вспомнила совет той старушки, которая присутствовала в 1940 году на похоронах другого сына с именем Эдуард. И самое удивительное, что сын, родившийся в самое тяжёлое время, познавший все ужасы войны, выжил и жив до сих пор. Мама, рожала одна, без какой-либо помощи, ей даже пришлось перегрызть пуповину зубами, но ни разу не крикнула.

Именно в таких экстремальных условиях познаётся суть человека. Мою маму до войны все наши знакомые считали изнеженной, слабой женщиной: она боялась мышей, насекомых, не переносила боль. Но когда наступили тяжёлые времена, именно эта изнеженная женщина проявила недюжинную силу воли, мужественно переносила все невзгоды военных лет. Именно благодаря её самоотдаче, выдержке и заботе я и мой брат выжили в этой страшной войне.

Утром мама, как ни в чём не бывало, вышла из комнаты и пошла готовить еду офицерам. Мама надеялась, что немцы не заметят появления ребёнка, так как на другой день они должны были отправиться на фронт. Она оставила меня в кровати с братиком, прикрыла тёплым одеялом и плотно закрыла за собой дверь. Но ребёнок громко заплакал. Один из офицеров услышал плач, открыл дверь в комнату. Увидев ребёнка, воскликнул: «O, kinder! (О, ребёнок)» — и пошёл на кухню. Я испугалась, вдруг он заберёт братика, и накрыла его с головой одеялом. А немец подошёл к маме, сказал: «Antoniya (имя мамы было Антонина)! Nicht arbeiten! Schlafen! Schlafen! (не нужно работать, ложись, ложись!)» — и отправил её в нашу комнату. Через несколько минут он вернулся, положил на стол продуктовый паёк и тихо вышел.

Обычно за столом немцы всегда шумели: весело хохотали, громко икали и пукали, стучали посудой. На этот раз они накрывали стол сами, не шумели и вскоре ушли. Наступила тишина. Мама осторожно вышла, никого не было. Целый день она нервничала, страшась за судьбу ребёнка. Она не верила доброте немцев: почему они дали продукты, что задумали? Бежать мы не могли, кругом немецкие солдаты. Кроме того, наш дом охранялся, так как в нём жили офицеры.

Наконец поздно вечером офицеры вернулись. Старший из них сказал: «Антония, мы завтра уезжаем на фронт и не знаем, когда вернёмся и останемся ли живыми. Русские здорово защищаются. Береги ребёнка, никому не показывай. Не все немцы звери, но мы

военнообязанные и должны служить своей Родине и подчиняться приказам. Прощай!». Он положил большой пакет на стол и вышел. Мама ничего не ответила. Она сидела, как изваяние, крепко прижав ребёнка к груди.

Ночь прошла спокойно. Рано утром мы услышали шум, лязг оружия, топот ног, громкую немецкую речь. Мама не выходила, лежала в кровати, прикрыв нас с братом одеялом. Вдруг дверь в нашу комнату открылась, вошёл старший офицер и сказал: «Мы уходим, прощай! Бог с тобой!» Хлопнули двери. Всё затихло. Мы ещё некоторое время выжидали, потом мама осторожно вышла: в доме никого не было. Она выглянула в окно. Мимо нашего дома по улице двигались на восток немецкие танки.

Мы остались одни. Мама закрыла двери на засов, захлопнула ставни и кинулась в нашу комнатку. Она наконец взяла своего ребёнка на руки, прижала его к груди, поцеловала, потом развернула пелёнки, осмотрела. Увидев, что пупок слегка воспалился, обмыла его кипячёной водой и присыпала какой-то травкой. Я с удивлением смотрела на мать и не узнавала её: каким нежным взглядом смотрит она на ребёнка! Я, пятилетняя девочка, вдруг поняла, какая моя мама красивая! Она сняла с головы платок, за которым пряталась от взглядов немецких солдат. Тёмно-каштановые волосы рассыпались по плечам, зелёные глаза светились любовью и лаской.

С этого дня к нам никого не вселяли.

В Брянске остался гарнизон для охраны города от нападения партизан и наведения порядка, немецкого порядка, которому должно подчиняться всё население города. Был введён комендантский час, постоянная проверка документов, не разрешали собираться группами, каждый новорожденный ребёнок должен быть зарегистрирован в городской управе. За непослушание расстрел. Расстреливали часто. На расстрелы сгоняли толпы людей, чтобы наглядно показать, что их ждёт в случае нарушения порядка. «Ordnung, noch ordnung!» (порядок, ещё раз порядок!) — постоянно слышали мы. Я до сих пор вздрагиваю, когда слышу эту фразу.

Мама вынуждена была пойти в управу, чтобы зарегистрировать своего ребёнка. В одной из комнат управы находилась девушка, которая вела регистрацию. Ребёнок родился 22 декабря 1941 года, но мама попросила девушку записать время рождения 10 января 1942 года. «Зачем вам это?» — спросила девушка. «Для того чтобы в армию его на год позднее призвали». Девушка беспечно махнула рукой: «Да что вы, через 20 лет никакой войны на земле не будет!». Представляете, война в разгаре, оккупация, а в людях всё-таки живёт надежда: придёт

время, когда не будет никаких войн! Мама, уверовав в светлое будущее, согласно кивнула головой, и девушка выдала свидетельство о рождении с датой 22 декабря 1941 года и печатью Брянской управы.

Зима 1941–1942 годов для нашей семьи была страшной и голодной. Несмотря на хвалёный немецкий порядок, на улицу невозможно было выйти, в городе действовали мародёры. Окна, выходящие на улицу, мы закрывали ставнями, а двери — на засов. В погребе осталось только немного картофеля, моркови и несколько мешков свёклы (немцы её почему-то не любили). Именно ею нам пришлось питаться всю зиму и весну. Я потом долгие годы не могла заставить себя готовить блюда со свёклой.

Весной 1942 года население начало вскапывать огороды и сажать овощи, у кого что было. Моя мама не умела заниматься огородом: она была горожанкой в седьмом поколении, как она, смеясь, говорила. Поэтому мы с мамой ходили в поле искать оставшуюся в земле картошку, не собранную с осени гречиху, рвали лебеду и крапиву. Выживали, как могли. К осени стало совсем голодно. Ребёнок маленький, его нужно кормить грудным молоком, а у мамы от голода очень мало молока. От недоедания братик плохо рос, постоянно плакал. Чтобы его успокоить, я пережёвывала какую-нибудь еду, заворачивала в тряпочку и совала ему в рот. На время он затихал и ненадолго засыпал, потом снова просыпался. Кричать он уже не мог, а только пищал.

Мама не выдержала и, собрав кое-какие вещи, пошла вместе с другими женщинами в ближайшую деревню менять их на продукты. Обмен происходил неравноценный: за золотое кольцо давали один-два килограмма картофеля или килограмм муки, а к концу зимы ещё меньше. У нас уже не было вещей, которые можно было менять на продукты. И нам пришлось доедать свёклу, которая ещё оставалась.

Наконец мама решилась пойти в деревню к родственникам мужа. Деревня находилась далеко от Брянска, ехать было не на чем, пешком нужно идти несколько часов. Другая опасность: на дороге можно столкнуться с немецким патрулём, который контролировал выходы из леса партизан. Но мама всё-таки пошла, взяв с собой подругу, которая знала дорогу. Им удалось незаметно пройти мимо немцев. К вечеру они были в деревне, нашли дом деда (отца мужа).

Дед встретил их во дворе и сказал маме, что он вернулся из партизанского отряда в деревню, чтобы предложить немцам свои услуги в качестве старосты. Мама испуганно взглянула на него: «Как ты решился?». Дед нахмурился и тихо ответил: «Так нужно»

— и отвернулся. Он дал совет маминой попутчице, в какую избу пойти, чтобы обменять вещи на продукты, а сам пошёл в дальний угол двора, где у него находился замаскированный, — чтобы немцы не нашли, — погреб для хранения съестных припасов. Обернувшись, он сказал моей маме: «Заходи в дом». Она вошла, там за столом сидела Дарья, которая встретила её неприветливо, а когда он появился с продуктами, она разворчалась, что им самим есть нечего. Дед промолчал, но мешок с продуктами собрал. К этому времени подошла попутчица мамы. Дед оставил женщин ночевать в избе, несмотря на протесты жены, а утром отвёз их в город. Во время поездки он молчал и, только зайдя в дом, сказал маме: «Ты в деревню к нам не приезжай, я сам буду по возможности привозить продукты».

В течение зимы он несколько раз привозил кое-что съестное, но с каждым разом всё меньше. Однажды ближе к весне дед привёз небольшой мешок картофеля и сказал маме: «Тоня, у нас кончаются припасы, скоро я ничем не смогу помочь. Вот тебе немного репы, моркови, свёклы и маленький мешочек муки. Это вам до лета. Картофель не трогай. Весной после схода снега вскопай за домом грядки и посади картофель. Чтобы всходов получилось больше, каждый клубень картофеля необходимо разрезать на две-три части с проростками».

Перед отъездом дед обратился к моей маме: «Если меня долго не будет, в деревню не приезжай. Чтобы со мной ни случилось, не приезжай. У тебя двое детей, и ты не имеешь права подвергать свою жизнь опасности. От моего имени может приехать человек и что-нибудь вам привезти». Мама послушалась и долго не ездила.

Глава пятая
Рауль

В эту зиму случилось ещё одно событие, которое мне врезалось в память. Наш дом стоял на окраине Брянска, поэтому немецкие патрули частенько заходили к нам проверить, не прячутся ли у нас партизаны. В одну из таких проверок пришёл патруль в составе трёх солдат и обер-лейтенанта. Офицер был подтянут, холодные серые глаза смотрели строго и надменно. Солдаты осмотрели весь двор и комнаты в доме. Во время осмотра я тихо стояла в углу большой комнаты и наблюдала за действиями патруля.

Особенно меня заинтересовал офицер. У него в руках был стек, которым он постукивал по хромовым до блеска начищенным сапогам. Приказы солдатам он отдавал тихим голосом, но таким тоном, что солдаты опрометью кидались их исполнять. Пока солдаты осматривали подсобные помещения во дворе и залезали в погреб, офицер заглянул в кухню, осмотрел кладовку, потом открыл дверь в маленькую комнату, где находилась мама с ребёнком. Я насторожилась. Он тихо прикрыл дверь. Через несколько минут резко её открыл и несколько минут смотрел, не двигаясь с места. Я подбежала к открытой двери: мама без платка, в одном платье сидела на табурете, прижав сына к груди, и испуганно смотрела на офицера. Я дёрнула его за шинель, он вздрогнул, резко повернулся на каблуках и, что-то сказав солдатам, вышел из дома. За ним ушли и солдаты. Я закрыла дверь на засов. Мы немного успокоились, но какая-то неясная тревога поселилась в наших душах. И не напрасно…

Через несколько дней офицер появился в нашем доме. Один, без охраны. Дров у нас было мало, поэтому мы постоянно находились в маленькой комнатке где находилась русская печь и было теплее. Я своим детским незамутнённым сознанием острее чувствовала опасность, и когда он вежливо постучал в дверь нашей комнаты, я вскрикнула. Офицер вошёл, сухо поздоровался, потом на ломаном русском языке сказал: «Я — Рауль. Я плохо учил русский язык, но много понимаю. Не бойтесь, я пришёл в гости» — и сел на табурет, положив на стол свёрток. Я сразу бросилась к маме, села рядом, крепко обняв её. Офицер бросил на меня сердитый взгляд: он был явно недоволен, но я ещё сильнее прижалась к ней. Закрыв сына с головой одеялом, мама сидела как изваяние, боясь пошевелиться и ничего не говоря. Наступило тягостное молчание. Посидев некоторое время в полной тишине,

Рауль поднялся, показал на пакет: «Это ребёнку» — и вышел. Ещё несколько минут мы сидели недвижно, пока не затих скрип его сапог на снегу. Мы быстро потушили лампу и легли спать, не вскрыв пакет.

На следующий вечер Рауль появился снова и постучал в нашу дверь. Не открывать было опасно. Дело в том, что по приказу немецких властей жителей города обязали безоговорочно открывать немцам двери. Поэтому, когда раздался требовательный стук, мама по привычке закрыла Эдика одеялом, а я побежала к дверям: на пороге стоял Рауль. Я попыталась захлопнуть дверь, но он быстро вошёл, потрепал меня по щеке. Я опрометью кинулась в комнату и снова села рядом с мамой. Рауль, улыбаясь и ловко щёлкнув начищенными сапогами, козырнул маме. Изящным жестом вытащил из кармана кителя носовой платок, вытер им табурет. Всё ещё улыбаясь, сел, но взглянув на стол и увидев нетронутый пакет, нахмурился. Встал, вытащил из планшета второй пакет, положил его на стол и резким движением вскрыл оба.

На стол высыпались пачки сухого молока и яичного порошка, сахар, шоколад, спички, соль. Такого богатства мы давно не видели. У меня загорелись глаза, и я даже потянулась к столу, но, опомнившись, быстро отвернулась. Заметив моё движение, офицер схватил шоколад и сунул мне в руки: «Essen! Кушать!» Я не выдержала и взяла шоколадку, вопросительно посмотрела на маму, но та отвернулась. Я отломила маленький кусочек, положила в рот. Это было такое блаженство! Так вкусно! Мне хотелось ещё, хотелось съесть всё до конца, но я отложила оставшийся шоколад для братика и мамы. Рауль заулыбался, увидев, что я откусила шоколад, опять потрепал меня по щеке и вышел. Когда я закрыла за ним дверь и вошла в комнату, мама совала Эдику в рот кусочек шоколадки. Братик от удовольствия чмокал губами и мурлыкал как котёнок, а мама смотрела на него и плакала. Потом она отломила себе кусочек и мне дала ещё один.

Два дня Рауля не было, но за это время мы взяли только одну пачку печенья, которую в основном скормили Эдику, потому что молока у мамы почти не было. На третий вечер Рауль пришёл в каком-то тревожном состоянии, принёс большой кулёк, который поставил под стол. Он нервно ходил по комнате, быстро-быстро говорил по-немецки. Часто повторялись слова: krieg, alles scheize dreck, rusische schweine (война, всё дерьмо, русские свиньи).

Мама сидела молча, только изредка бросала на него злые взгляды. Но он их не замечал, так как метался по комнате и говорил, говорил. Вдруг Рауль успокоился, посмотрел ласково на

маму и сказал по-русски: «Я сегодня остаться спать здесь». Он сел на табурет и стал снимать сапоги. Мама вскочила и по-немецки выкрикнула: «Русские свиньи? Это вы свиньи! Пришли в нашу страну убивать нас! Мой муж погиб на фронте. У тебя на руках его кровь!». Немец побледнел: «Ты знать немецкий?». Он нервно натянул сапоги, надел шинель и выскочил из дома. Мама сидела бледная и не шевелилась. Потом вздрогнула прошептала: «Ой, что я наговорила! То с нами будет? Он может привести сюда патруль!» Дело в том, что войсковым офицерам и солдатам не разрешалось расправляться с населением. Этим занималась патрульные. А Рауль в тот вечер не дежурил и явился к нам по собственной инициативе, его за это могли наказать.

Я сидела за столом и с вожделением смотрела на разбросанные по нему продукты. Мама стояла напротив выходящего во двор окна и складывала всё в корзину. На столе горела лампа. Вдруг она насторожилась: во дворе хрустнул снег под чьими-то шагами. Неожиданно хруст послышался под нашим окном. Мама быстро потушила лампу, и в ту же минуту раздался выстрел, в комнату влетела пуля и ударилась в русскую печь. Мы кинулись под стол. Раздался второй выстрел, и снова пуля ударилась в печь. Послышались быстрые шаги уходящего человека. Стало тихо, но мы ещё около часа просидели под столом. Потом осторожно выбрались из-под стола и легли спать.

Утром мама выглянула в окно: никого не видно. Подошла к входной двери, прислушалась: тихо. Вышла во двор и увидела отчётливые следы сапог, тянувшиеся от калитки до дверей дома, а затем повернувшие за угол нашего дома и остановившиеся под нашим окном. Похожие следы оставлял Рауль, приходя к нам в дом и уходя от нас. На каблуках его сапог были прибиты серповидные подковки с нацисткой свастикой. К нам зашла соседка и спросила: «Вы слышали: ночью где-то рядом стреляли?» Мама показала ей на окно и рассказала всё. Они вместе всё осмотрели и поняли, что маму спасли двойные окна: отверстие в первом стекле было как раз на уровне маминой головы, но стукнувшись о второе стекло, пуля срикошетила и пролетела мимо, прямо в печку. То же самое произошло и со вторым выстрелом. Рауль при выстреле не учёл особенностей русских зимних окон и промазал. Соседка посоветовала маме пожаловаться в комендатуру, так как войсковым офицерам не разрешали без приказа расстреливать кого-либо. И мама пошла в комендатуру. Но когда она назвала фамилию Рауля, ей ответили, что его полк отбыл на фронт. Комендант ещё пошутил: «Что — влюбилась?» — и зычно расхохотался. Мама плотнее закуталась в платок и быстро ушла, чтобы не навлечь на себя беды. Больше

Рауль на нашем пути не встречался.

Уже после войны мама рассказывала, что Рауль во время своего взволнованного монолога ругал Гитлера, нацистов, гестапо, которые оторвали его от мирной жизни, погнали в эту дикую, нецивилизованную Россию, где нет дорог, туалетов, негде принять ванну, зато много партизан. Русская армия плохо вооружена, но солдаты продолжают отчаянно сражаться, вместо того чтобы сдаться доблестной немецкой армии, как это сделала вся Европа. Когда Рауль понял, что мама знает немецкий язык, он испугался, а вдруг она донесёт на него в гестапо, и потому решился её убить.

Глава шестая
Расправа над дедом

Наступила весна. Мы посадили картошку и репу, а осенью получили хороший урожай овощей. Я тоже в меру своих маленьких сил помогала маме. От деда не было никаких вестей. Мама начала нервничать. Она чувствовала: что-то произошло. Наконец, она решилась пойти в деревню. В ту сторону собирался ехать наш сосед (у него была лошадь с телегой). Мама напросилась к нему в попутчики, пообещав часть продуктов, которые она надеялась получить у деда. Меня с Эдиком мама решила взять с собой: она хотела упросить деда приютить нас у себя, так как боялась оставаться в городском доме одна с детьми. В городе действовали мародёры, а также нельзя было достать молочные продукты, которые крайне необходимы были моему маленькому брату.

Когда мы приехали в деревню и вошли в дом деда, там оказалась только его жена. На наш вопрос, где дед, она буркнула: «Не знаю» — и ушла в другую комнату. Минут через десять в дом вошёл полицай в сопровождении двух немецких солдат. Они подошли к маме и толкнули прикладом в сторону двери. Мама вскрикнула и кинулась ко мне с братом. Полицай сказал: «Забирай детей и иди с нами». Мама завернула сына, надела на меня пальтишко, оделась сама и вышла на улицу за солдатами. Шествие замыкал полицай.

Нас привели в большую избу, где находилось несколько немецких офицеров. Они о чём-то поговорили с полицаем. Тот подошёл к нам, грубыми толчками в спину повёл нас в другую комнату, в которой ничего не было, кроме небольшой охапки сена. Полицай пошёл к двери, потом повернулся в нашу сторону и сделал выразительный жест, приложив к губам палец: «Молчите!», и закрыл за собой дверь. Мы остались одни в полной темноте. Мама прижимала нас к себе и тихо плакала.

Проснувшись утром, она попыталась открыть дверь, но та оказалась запертой. Мама села на сено, взяла на руки плачущего сына, который был голоден, дала ему грудь. Но она почти сутки ничего не ела, молока оказалось мало, и сколько малыш ни мял своими ручонками материнскую грудь, он смог выдавить только несколько капель.

В комнату тихо вошёл полицай, который вчера сопровождал нас, незаметно сунул в руки мамы кусок хлеба с салом, шепнув: «Быстро съешь! Скоро выходить. Молчи, что бы ни случилось», и

стремительно вышел. Мама откусила кусочек сала, облизала его и сунула ребёнку в рот. Тот жадно начал его сосать. Разломав хлеб на три части и раскусив сало на два кусочка, она дала один ломтик хлеба с салом мне, вторую такую же порцию спрятала в карман, сказав: «Это для Эдика». Себе она взяла только один кусочек хлеба.

Спустя какое-то время мы услышали топот ног, голоса и лязг оружия. Мама вскочила. Прижала к груди сына, а меня взяла за руку и испуганно смотрела на дверь, которая вскоре резко открылась. Громко топая сапогами, вошёл немецкий солдат с автоматом наперевес. Он скомандовал: «Выходи быстрее» — и вытолкал нас на улицу.

Там стояла большая толпа жителей деревни. Увидев мою маму с детьми, люди запричитали и стали креститься. Мы смотрели на них с недоумением. Но в этот момент мама увидела виселицу и перекрестилась, несмотря на то, что была атеисткой, и ещё крепче прижала нас к себе. Вдруг толпа повернулась в другую сторону и снова запричитала. Мама тоже повернула голову и снова перекрестилась: два дюжих эсэсовца (так называли немецких карателей) под руки вели нашего деда. На него страшно было смотреть: одежда на нём разорвана, сквозь неё виднелись раны, и текла кровь, особенно сильно из пальцев рук, так как гестаповцы во время пыток вырвали у него ногти. Всё лицо было в кровоподтёках, один глаз полностью закрылся сплошным кровавым пятном. Он еле передвигался, но увидев одним уцелевшим глазом свою сноху (мою маму), он приостановился, и губы зашевелились, но конвоиры его подтолкнули к виселице. Они попытались поставить деда на скамейку, которая стояла под виселицей. Немцам это не удалось, так как дед был богатырского сложения. Тогда он с усилием выпрямил могучие плечи, оттолкнул немцев и, уцепившись окровавленными руками за стойку виселицы, поднялся на эшафот. Послышались крики и плач. Дед с трудом поднял руку, толпа затихла, даже солдаты перестали бряцать оружием. И в наступившей тишине, еле размыкая распухшие губы, он тихо заговорил: «Запомните, товарищи, я никого не предал, я выполнял свой долг перед Родиной. Мы победим!» Стояла звенящая тишина. Первым опомнился офицер. Он выхватил пистолет и выстрелил в деда, тот пошатнулся, но не упал. Тогда офицер подскочил к виселице и сам ногами выбил скамейку. Виселица под тяжестью тела согнулась, но устояла. Мощное тело несколько раз дёрнулось и затихло.

Толпа взревела, запричитала и двинулась в сторону виселицы. Солдаты выстроились, передернули затворы автоматов

и двинулись на толпу, дав несколько очередей в воздух. Люди в панике повернули назад. В этой суматохе к нам подошёл полицай и быстро повёл в одну из хат, но по дороге мы встретили другого офицера в сопровождении двух солдат. Увидев нас, он, видимо, решил, что полицай нас арестовал, сказал: «Очень хорошо, спасибо» — и что-то приказал солдатам, которые отвели нас в тот же дом, где мы провели ночь, и закрыли в той же комнате.

Глава седьмая
Поезд идёт дальше на запад

Прошли целые сутки без пищи и воды. Мама тихо плакала, временами она давала грудь моему братику, который пытался что-то выдавить своими ручонками из груди, но мать была голодна, и он снова начинал тихо пищать, — ни плакать, ни кричать у него уже не было сил.

Рано утром в комнату вошёл тот же полицай. Положил перед нами узелок и записку и прошептал: «Записку спрячь, быстренько поешьте, скоро придут немцы». Мама спросила: «Что будет с нами? Нас расстреляют?». Полицай оглянулся на дверь, прошептал: «Я знаю только то, что вас не казнят. Офицер уехал в Брянск, в штаб. Вечером вернётся» — и быстро вышел.

Ещё сутки мы просидели взаперти. Днём, когда солдаты ушли, и всё затихло, мы подкрепились тем, что принёс полицай: варёная в мундире картошка, нарезанная редька, чёрствый хлеб и маленький кусочек сала. Мать разделила сало на три части: одну отдала мне, другую отложила братику, третью спрятала и сказала: «Не жуй, а соси!» Я уже знала: так легче приглушить голод.

Ранним утром мы услышали шум, хлопанье дверей, топот множества ног. Мама вся напряглась, прижала нас к себе. Вскоре дверь в нашу комнату распахнулась, вошли немецкий офицер, два солдата и один в гражданской одежде, как оказалось, переводчик. Офицер что-то ему сказал. Переводчик повернулся к нам и сообщил: «Вам очень повезло. Немецкое командование решило вас помиловать, не казнить, а дать возможность искупить свою вину, работая на Рейх (так немцы называли своё государство). Вам разрешается взять с собой в дорогу немного одежды и еды, вас повезут в Германию, где будете работать во славу Великой Германии». Он повернулся к полицаю: «Сходи к её родственникам, чтобы приготовили всё необходимое в дорогу». Все вышли, и мы остались одни.

К вечеру пришёл полицай, принёс чемодан с вещами и мешочек с провизией. Он был в сопровождении солдата и молча стоял рядом, но как только солдат повернулся спиной и пошёл к дверям, полицай быстро что-то сунул маме в руку. Когда все вышли, мама разжала ладонь с запиской и прочла: «Вечером вас отправят поездом вместе с другими в Германию, но партизаны попытаются поезд отбить».

Ближе к ночи пришёл тот же полицай с двумя солдатами и

повел нас на улицу, где стояла телега с лошадью. Полицай усадил нас на телегу, рядом сели солдаты и полицай, и мы двинулись в сторону Брянска.

Уже глубокой ночью подъехали к эшелону, который стоял на том же пути, откуда уезжал отец на фронт в июне 1941 года. Один из солдат передал какие-то бумаги подошедшему офицеру и, выслушав его, повёл нас к товарному вагону. Мама была небольшого роста, и ей с детьми трудно было взобраться по высоким ступенькам вагона. Тогда солдат схватил меня за руку и закинул в вагон. Я почувствовала резкую боль в руке и закричала. В этот момент подошёл уже знакомый нам полицай, оттолкнул солдата, взял у мамы из рук Эдика, помог ей влезть в вагон и подал ребёнка. Затем закинул чемодан, мешок и овчинный тулуп. Опешивший от такой наглости солдат пришёл в себя и со всей силой ударил полицая в спину прикладом, тот упал вниз лицом, и солдат стал бить его ногами. Что случилось дальше, мы так и не узнали. Солдаты закрыли двери вагона и, набирая скорость, поезд двинулся в кромешный мрак, в страшную неизвестность.

Вагон, в который мы попали, был набит людьми, в основном женщинами и детьми школьного возраста. Я плакала от сильной боли в руке. Мама нашла свободное место в углу вагона, расстелила тулуп, поставила чемодан и мешок, положила ребёнка и, дёрнув меня за руку, посадила рядом с собой. От боли я закричала. Мама стала гладить мне руку, целовать, но я продолжала плакать. К нам подошла женщина, сказала, что она врач, потрогала мою руку и вдруг снова резко дёрнула её. Я заорала, но вскоре боль утихла, и я уснула на материнских коленях.

Мы ехали уже третьи сутки. Поезд двигался очень медленно, часто останавливался, но никого из вагона не выпускали. Нужду мы справляли в дыру, сделанную в полу вагона.

И вдруг услышали взрыв впереди поезда, вагоны закачались, но остались на месте. Послышалась частая стрельба. В вагоне началась паника, люди попытались открыть двери, стучали кулаками, кричали. Мама стала всех успокаивать: «Это партизаны пытаются наш поезд отбить от немцев». Люди успокоились и стали прислушиваться к тому, что происходит.

Раздался ещё один взрыв. Вагон сильно накренился. Все, кто находился в нашем вагоне, как по команде кинулись к подымающейся стороне вагона, и вагон выровнялся. Шум выстрелов удалялся, всё затихло. Загремел засов двери вагона, и люди с волнением смотрели на открывающиеся двери, ожидая увидеть партизан. Но в проёме двери показались немецкие солдат, которые яростно орали: «Выходите, выходите! Скорее!»

Люди оцепенели и не двигались.

В вагон вскочило несколько солдат, которые прикладами стали выталкивать людей из вагона. Мама быстро перекинула через плечо связанные между собой чемодан и мешок, прижала к груди сына, а меня подтолкнула к дверям. Я кое-как сползла по ступенькам (рука сильно болела). Мама подала братика, а потом сама спрыгнула.

Солдаты с автоматами наперевес толчками в спину сгоняли выпрыгивающих из вагона людей с насыпи железной дороги в поле, где уже стояла большая толпа. Оттуда было видно, что рельсы перед паровозом и часть самого паровоза разворочены взрывом, позади последнего вагона рельсы тоже вздыблены, вдоль насыпи лежали убитые и раненые в полушубках. Немцы подходили к лежащим телам и, если кто-то шевелился, стреляли в голову.

Мама всхлипнула: «Господи, это же партизаны, они хотели спасти нас, но не смогли и сами погибли. Что будет с нами?» — и горько заплакала. Глядя на неё, заплакала и я. Стоявший поблизости солдат больно стукнул меня по голове. Я упала на мокрую землю, солдат поднял ногу, чтобы пнуть меня своим сапожищем, но мама успела меня поднять, и удар пришёлся по её ногам. Она вскрикнула и чуть не выронила сына. Толпа задвигалась, зашумела. Солдат вскинул автомат и дал очередь в воздух. В этот момент подъехала крытая машина, из которой выскочили немецкие солдаты с собаками, натренированными нападать на человека. Солдаты с криками «быстрее» построили всех в колонну и погнали по слякотной дороге в неизвестность.

Так мы шли три дня в сопровождении вооружённых солдат и злобных собак. Под ногами вязкая глина, постоянно сыпал мокрый снег. Иногда колонну останавливали, и мы садились передохнуть прямо в грязь. Доедали то, что ещё оставалось в узелках, делились последним с теми, у кого ничего не было. Немцев сопровождала полевая кухня, но они нас не кормили и отталкивали автоматами детей, которые пытались попросить у солдат еду. Однажды один из солдат так стукнул автоматом ребёнка, что тот упал замертво, а мать, кинувшуюся к нему, пристрелил на месте. Дети усвоили урок: больше никто не подходил к солдатам.

Наконец мы оказались на территории Польши. Нас поместили в какое-то большое сухое и тёплое помещение. Сутки никто к нам не заходил. Мы обсохли и выспались, но все были страшно голодны, особенно дети: они хныкали и просили хлебушка. И вот, двери открылись, нас выгнали на улицу. Это была огромная площадь перед вокзалом, за которым виднелись

составы товарных вагонов. На площади стоял длинный стол, за которым сидели люди в белых халатах.

Всех прибывших солдаты выстроили в очередь, мы оказались в её хвосте. Возле столов началось какое-то волнение, крики, плач. Мама стала наблюдать, что происходит, и увидела, что у матерей отбирают маленьких детей. Солдаты отгоняли их к стоявшим невдалеке крытым автомашинам, а стариков и больных в другую сторону. Мама стала лихорадочно выбрасывать из чемодана и мешка вещи. Спрятавшись за спинами стоявших в очереди людей, она аккуратно положила девятимесячного сына в чемодан, а меня попросила сесть в мешок и сидеть тихо. Завязав мешок и закрыв чемодан, мама двинулась вместе с очередью. Перед столом она осторожно опустила с плеча мешок и чемодан на землю. Немец в белом халате приказал ей открыть рот, осмотрел зубы, затем сдёрнул платок, которым мама закрыла голову и почти всё лицо. Глянув на её лицо и увидев рассыпавшиеся по плечам густые волосы, немец восхищённо воскликнул: «О, какая красивая женщина!», шлёпнул её по попе и подтолкнул в сторону толпы пленных, стоявших около готового к отправке эшелона.

Мама схватила мешок и чемодан и втиснулась в середину толпы, снова натянув на голову платок до самых глаз. Многие женщины плакали и рассказывали, что у них отобрали детей и что с ними будет, они не знают. Несколько женщин пробрались вперёд толпы, чтобы посмотреть, где находятся дети. В этот момент солдаты стали загонять людей в вагоны. Женщины кинулись к детям, которых уже сажали в крытые автомашины. Но солдаты прикладами загнали их в вагоны.

Двери закрылись, и поезд тронулся. Мама втиснулась в дальний угол вагона, развязала мешок, где сидела я, вся съёжившись и дрожа от страха. Потом открыла чемодан и охнула: мой братик спокойно спал. Она нежно взяла его на руки и прижала к груди, ребёнок сразу проснулся и ручонками стал искать грудь: он был очень голоден. Мы все были голодны. У меня от голода кружилась голова, я села на мешок и прислонилась к стене. Мама дала сыну грудь, но, сколько не тискал он её, молоко не появлялось. Ребёнок больно укусил грудь, мама вскрикнула, а он заплакал. Рядом находящиеся женщины оглянулись и удивлённо спросили: «Как Вы смогли спасти детей?» Мама рассказала. Одна из женщин, увидев, как ребёнок пытается что-то извлечь из материнской груди, пошарила в своём узелке и протянула маме корочку хлеба и две морковки. Горячо поблагодарив, мама разжевала хлеб, завернула его в тряпочку и вложила тряпочку в рот сыну, тот жадно зачмокал

губами и через несколько минут заснул. Две морковки мама вытерла руками, одну дала мне, вторую, поменьше, взяла себе. Я грызла морковку долго и тщательно, чтобы заглушить голод. Морковь кончилась, а голод продолжал мучить.

Поезд, набирая скорость, мчался на запад. Постепенно в вагоне наступила тишина, все заснули, уснули и мы с мамой. Утром мы проснулись от лязга открываемой двери. Все замерли в испуге. В проёме показались два немецких солдата, они закинули в вагон два ящика и, сказав: «Кушать! Кушать!», задвинули засов двери. Было полутемно, свет в вагон попадал через маленькое решётчатое окно. Люди сидели неподвижно и смотрели на ящики. Только после того, как снова двинулся поезд, пожилая женщина подошла к ящикам, осторожно открыла один из них, и, заглянув, сказала: «Хлеб». Она открыла второй ящик и опять сказала: «Хлеб». Люди зашевелились и двинулись к ящикам: все были очень голодны. Женщина властным жестом руки остановила их: «Делить будем поровну, поэтому необходимо всех пересчитать. Встаньте десятками, детей тоже считайте. В каждой десятке выберите старшего». Люди послушались и вскоре около ящиков собрались девять человек. Во втором ящике тоже был хлеб, вернее куски хлеба — остатки от солдатского обеда. Весь хлеб быстро поделили на девять кучек, и старшие поделили их в своих десятках. Каждому досталось по несколько кусочков. Никто не знал, когда ещё их покормят, поэтому положив в рот по кусочку, остатки спрятали в карманы одежды. Некоторые всё-таки не выдержали, особенно дети постарше, и съели всё сразу.

Люди снова улеглись и попытались уснуть, чтобы заглушить голод и сохранить силы. Но уснуть не удавалось, они ворочались, вздыхали, некоторые тихо плакали. Постепенно люди стали друг с другом знакомиться, расспрашивать, кто откуда, обсуждать, что ждёт их впереди. Пожилая женщина, которая вчера дала нам кусочек хлеба и две морковки, а сегодня распределяла принесённый немцами хлеб, подошла со своим узелком и устроилась рядом с нами. «Меня зовут Мария. Можно я буду вам помогать?». Она повернулась к маме: «Тебе трудно одной справляться с детьми. Как тебя зовут?». Мама ответила. Мы тогда не знали, что эта женщина, крупного телосложения, с натруженными руками, надолго станет нашим другом, нашим ангелом-хранителем.

У нас ничего не было, так как мама, спасая меня с братом, всё из мешка и чемодана выкинула. Брат лежал на чемодане, а я с мамой сидела на мешке. Мария развернула свой мешок, достала шерстяное одеяло. Отодвинув нас вместе с чемоданом, она расстелила одеяло, сняла с головы тёплый платок, сложила

вчетверо и уложила на него моего брата. Засунув руку в карман своего просторного пальто, Мария достала кусочек хлеба и две морковки и протянула их моей маме, которая распределила их так же, как и накануне. Мы все трое устроились на одеяле и попытались заснуть. Мой братик усиленно чмокал губами, пытаясь хоть что-то выжать из жёваного хлеба.

Стуча колёсами, поезд продолжал двигаться на запад. Что нас там ждёт, мы даже представить не могли. Поздно вечером поезд остановился, дверь открылась, и в вагон поставили большой бидон с водой и одну кружку. В ящик, оставшийся в вагоне, солдаты высыпали из мешка куски хлеба. Люди почти сутки ничего не пили, поэтому все двинулись к бидону. У кого была какая-либо посуда, черпали воду из бидона, а у кого не было, пили из общей кружки. Наша пожилая соседка вновь поделила хлеб между всеми.

Так продолжалось до прибытия нашего поезда в город Трир. Здесь нас впервые накормили горячим обедом: выдали в алюминиевых мисках суп из брюквы и гнилой картошки и по куску чёрствого хлеба.

После обеда всех построили. Приехали прилично одетые мужчины и, проходя вдоль рядов, осматривали стоявших людей. Тот, в кого тыкали пальцем, отводили в сторону. Как оказалось, богатые господа отбирали себе рабов для подневольного труда.

Вскоре на привокзальной площади осталось несколько десятков человек. В основном, это были женщины с детьми, которых они, как моя мама, смогли спрятать. Кроме того, остались дети 10–12 лет, пожилые женщины и мужчины.

Ночь мы провели в каком-то сарае, утром нас куда-то повезли.

Детская память избирательна, видимо, было очень плохо, потому что я совершенно не помню, сколько мы находились в Трире и что там делали. И моя мама тоже никогда не вспоминала этот период. Только однажды она сказала: «Никому не нужны были рабочие руки, обременённые маленькими детьми». А вот нашу жизнь в городе Гёттингене моя память зафиксировала детально и крепко.

Глава восьмая
Лагерь для военнопленных в Гёттингене

Лагерь (немцы называли его трудовой лагерь), куда нас привезли, предназначался для военнопленных, а также взятых в заложники членов партизанских семей из Советского Союза, которые должны были работать на паровозоремонтном заводе. Поэтому в лагере находились пленные красноармейцы, женщины, дети разных возрастов, и даже старики.

Лагерь специально расположили рядом с крупным железнодорожным узлом, чтобы западные союзники нашего государства его не бомбили, так как бомбы могли упасть на лагерь. Вся территория, огороженная колючей проволокой, через которую пропускался электрический ток, охранялась вооружёнными немецкими солдатами. Пленные жили в бараках на 300 человек, спали на двухъярусных нарах, на которых лежали жёсткие матрасы и тонкие заношенные одеяла.

Для пленных был установлен строгий порядок. Подъём в 5 часов утра. Все шли в столовую, где получали полный котелок баланды из брюквы. Порция выдавалась на целый день: хочешь, съедай всё сразу или оставь до вечера. Оставлять было опасно: голодный сосед по нарам мог съесть. Некоторые брали котелки с собой на завод, чтобы доесть во время короткого перерыва.

На работу водили строем в сопровождении вооружённые солдаты с овчарками. Если кто-нибудь из пленных делал шаг в сторону, солдаты спускали собак. Однажды стоявшая на обочине дороги, по которой двигались пленные, пожилая немка протянула кусок хлеба. Какой-то ребёнок выскочил из строя и схватил хлеб. Он только успел затолкать его в рот, как спущенные собаки кинулись к нему и растерзали у всех на глазах. Колонна пленных в ужасе закричала, а немка закрыла лицо руками и села на землю. Раздались выстрелы вверх, собаки злобно оскалились. И в наступившей тишине послышалась команда: «Бегом марш! Быстро!» Такая же участь постигла и выпавшего из строя старика, у которого не было сил идти дальше.

Работали по 12–14 часов в день с двумя перерывами по 30 минут. Первое время один раз в день работающим пленным выдавали 100 грамм хлеба, испечённого непонятно из чего. Те же, кто оставался в лагере, хлеб не получали. Поэтому многие женщины, у которых оставались в лагере дети, тайком от мастера

прятали хлеб в одежду, чтобы их подкормить. Но уже с лета 1944 года они лишились и этого куска.

На территории лагеря были расположены: здание администрации — у самых ворот, поодаль — казарма для солдат-охранников, рядом — столовая для немцев. В глубине виднелось одноэтажное каменное здание, где находилась баня для пленных. На заводе работали не только пленные, но и немцы: инженеры, мастера и другие специалисты. Администрация завода, так же как и администрация лагеря, очень боялись подхватить какую-нибудь заразу от «русской свиньи», поэтому всех пленных, и детей, и взрослых заставляли каждый день умываться и мыть ноги, а раз в неделю мыться в бане. При этом во время мытья немцы в помещение бани впускали какой-то газ, который должен был убивать вредных микробов и насекомых. Но многим от этого газа становилось плохо, а некоторые даже умирали. Особенно тяжело переносили газ дети. Но немцев это не волновало, новые партии пленных поступали постоянно.

Нас поселили в бараке, который находился напротив здания администрации лагеря. Я спала на втором ярусе нар, мама с сыном — на нижнем. В лагере было много военнопленных, женщин с детьми и детей 13–17 лет без родителей, а также и молодых женщин без детей. Все пленные, в том числе и дети, работали на заводе. В лагере оставались только дети младше восьми лет. Оставались одни, без присмотра взрослых, поэтому те, кто постарше, присматривали за младшими. Правда, в штате администрации лагеря числилась надзирательница, которая должна была воспитывать детей и учить их немецкому языку и немецкому порядку.

Звали её фрау Марта. Это была импозантная дама: высокая, очень полная, вся затянутая в кожаную одежду, которая скрипела при каждом движении. Она всегда ходила с длинной тростью. Фрау Марта знала русский язык, но плохо. Она заставляла нас говорить на немецком и, если кто-то неправильно произносил слова, очень больно била этой тростью. И ещё у неё была одна изуверская привычка: увидев мальчика без штанишек, сажала его к себе на колени и начинала крутить ему писульку, а если мальчик начинал плакать от боли, фрау Марта хлёстко била по голове. Девочек она тыкала хлыстом в живот или пинала ногами.

Дети боялись её как огня и, завидев в воротах лагеря монументальную фигуру фрау Марты, прятались кто куда. Особенно ей понравился мой брат Эдик. Ему тогда было два года, голубоглазый и белоголовый. Увидев его впервые, фрау Марта воскликнула: «О! Этот мальчик похож на арийца!». Она ущипнула Эдика за щёчку, но так больно, что он заплакал и бросился к

матери на руки. Фрау Марта спросила у моей мамы: «Ты спала с немцем? Ребёнок от немца?» Мама возмущённо замахала руками: «Нет, нет! Мой муж русский и сын русский!» Фрау Марта злобно хлестнула её по лицу тростью. Мама вскрикнула и приложила руку к щеке, сквозь пальцы выступила кровь. Фрау Марта круто развернулась на каблуках своих до блеска начищенных русским пленным сапог и двинулась к зданию комендатуры.

С того времени она постоянно приходила в наш барак и, если видела бегающего без штанишек Эдика (штаны у него порвались, и он ходил в длинной женской кофте), брала его на руки, садилась на наши нары, угощала его кусочкам хлеба или сахаром и начинала своё развлечение. Первое время он терпел её действия ради угощения. Но фрау Марта усилила свой крутёж, Эдик плакал, отталкивал её руки и однажды даже укусил её. Она избила его хлыстом так, что он несколько дней не мог вставать.

Так как мама работала на заводе с раннего утра до позднего вечера, она не знала о действиях надзирательницы. Я рассказала ей о том, что случилось. На другой день мама на работе обратилась к своему мастеру-немцу с просьбой принести какие-нибудь штанишки сыну. Старый немец был добрым человеком. Маленький тщедушный старичок (мужчины помоложе находились на фронте), он иногда, украдкой, чтобы никто не увидел и не донёс в гестапо, давал моей маме какую-нибудь одежду, кусочек хлеба, варёную картошку.

Уже шёл 1944 год, в Германии чувствовался недостаток продуктов питания, немцы получали их по талонам в ограниченном количестве. Большинство же немцев, работающих на заводе, обращались с пленными из Советского Союза как со скотом.

После того как мама надела на сына принесённые мастером штанишки с резинками, фрау Марта перестала преследовать его. Вскоре она исчезла из лагеря, а взамен появилась молоденькая девушка, которая совершенно не обращала внимания на детей и большую часть времени проводила около солдат, охранявших лагерь, или на кухне, где готовили еду для солдат. Дети очень быстро это поняли, но, наученные горьким опытом, при её появлении в лагере моментально разбегались в разные стороны.

В 1944 году всё население Германии работало на Рейх, и в нашем лагере ощущался острый дефицит гражданских должностей. Летом этого года в администрации случайно узнали, что моя мама владеет немецким языком. Её забрали с работы на заводе и заставили вести учёт прибывающих и убывающих пленных (умерших от истощения, убитых за провинности, увезённых больных в так называемую «русскую» больницу и

выбывших по другим причинам).

Германская экономика, работающая на войну, переживала тяжёлые времена. Не хватало продуктов питания, одежды, электроэнергии, бензина и многого другого. По этой причине электрический ток, пропускаемый по проволочному ограждению, стали периодически отключать, но делали это секретно, чтобы пленные не разбежались. Но мы, дети, каким-то образом узнавали время отключения, пробирались к ограждению подальше от здания администрации, проделывали под проволокой руками и палками лаз, вылезали через него наружу и бежали к мусорной свалке. Там мы рылись в куче мусора, отыскивая старую одежду, остатки продуктов: кусочки хлеба, подгнившие овощи и фрукты, и даже поломанные игрушки. Все трофеи мы приносили в барак и там делились с теми, кто был слишком мал или слаб от голода и болезней.

Однажды, когда я побежала к проволоке, за мной увязался мой брат Эдик. Ему было всего два с половиной года, он еле ковылял на своих рахитичных ножках, и мы не могли с ним догнать наших товарищей, поэтому я повела своего братика на самую близкую к лагерю свалку. Она была маленькая, и на ней редко можно было найти остатки продуктов. Около свалки мы нашли заплесневелую корочку хлеба, и хотя были голодны, выбросили её. Вскоре мы нашли полбуханки хлеба, которую я спрятала подмышку. Эдик зачем-то прихватил с собой кастрюльку без дна, и мы двинулись к лагерю.

В этот момент из-за угла свалки появился очень худой человек: на голове ёжиком торчали пучки волос, подбородок зарос седой щетиной, на нём была одета грязная исподняя рубашка, затёртое галифе, ноги босые и сильно израненные. Он кинулся к брошенной нами заплесневевшей корке хлеба и вцепился в неё зубами. Мы вначале остолбенели, а потом я неосознанно протянула этому человеку, который оказался голоднее нас, спрятанный подмышкой хлеб. Он жадно схватил его, что-то промычал, из глаз его покатились слёзы. Махнув рукой, человек куда-то побежал, а мы с братом двинулись к нашему лагерю.

Погода была прекрасная, светило солнышко, мы шли вдоль реки по зелёной аллее. Наш лагерь располагался на другой стороне реки, нужно было перейти мост. Мы, находясь на его середине, услышали гудок сирены, оповещающий о налёте самолётов. Я заторопила брата, ведь в любой момент может начаться бомбёжка, и мама будет сильно переживать из-за нашего отсутствия!

И действительно, стоило перейти мост, как сзади раздался

свист падающей бомбы. Мы оглянулись: от прямого попадания бомбы мост завалился в реку. Подойдя к проволочному заграждению, увидели маму, пролезли под проволоку. Она ударила нас, а потом обняла и расплакалась. Эдик вытирал своими ручонками её слёзы, утешал: «Мамочка, не плачь! Мы тебе принесли кастрюльку» — и подал ей кастрюльку без дна. Мама посмотрела на неё и рассмеялась: «Сыночек, что я буду в ней готовить? Ведь у нас нет ничего». А Эдик ответил: «А мы ещё сходим на свалку и что-нибудь найдём». Мама подхватила его на руки, и мы вместе пошли в укрытие прятаться от бомбёжки.

Мой братишка нашёл ещё один способ добывать пищу. Он был беленький, с яркими голубыми глазами, бойко говорил по-немецки. Когда Эдик видел, что какой-нибудь солдат из охраны лагеря жует бутерброд или что-то ещё, он подходил, дёргал за штанину и говорил по-немецки: «Папа! Папа! Я хочу кушать». Кто-то из солдат мог дать ему кусочек, а кто-то отгонял или просто отворачивался.

И вот однажды Эдик увидел у дверей немецкой столовой солдата, держащего в руке большой кусок хлеба. Он подбежал к нему и, по привычке дёрнув за штанину, попросил хлебушка. Солдат долго смотрел на него, продолжая жевать, потом остаток хлеба бросил на землю, а когда Эдик кинулся к хлебу, сильно ударил его сапогом. От удара Эдик кубарем прокатился несколько метров, кое-как поднялся и молча пошёл к маме. Он хотел ей что-то сказать, но только открывал рот и ничего не мог произнести. Уткнувшись в мамины колени, он горько расплакался.

Почти три месяца Эдик не разговаривал, потом, наконец заговорил, но так сильно заикался, что никто не мог его понять, даже мама. Я ему служила переводчиком, потому что только я знала, что он хочет сказать. Эдик после этого случая стал нервным, боялся подойти к солдатам, не играл с ребятами, потому что они его не понимали. И он на всю жизнь остался заикой. В те годы не лечили заикание, да и не до того было в послевоенные тяжёлые годы.

Глава девятая
Донос в гестапо

Осенью 1944 года в наш лагерь приехал бывший советский генерал Власов, добровольно сдавшийся немцам и с их одобрения создававший так называемую «русскую освободительную армию». Он ездил по лагерям для военнопленных и вербовал добровольцев в свою армию. В нашем лагере добровольцев не нашлось. На другой день немецкие власти прислали военно-медицинскую комиссию и, отобрав десятка два более или менее здоровых ребят, надели на них форму РОА, погрузили в эшелон и повезли на фронт.

Но никому не хотелось воевать против своей страны, а потому ночью несколько ребят разобрали пол в вагоне и сбежали. Однако наш лагерь находился в глубоком тылу, фронт далеко, бежать некуда, и ребята вернулись в лагерь. Они обратились к моей маме за помощью. Она выдала им нагрудные номера погибших пленных, которых не успела занести в журнал учёта. Мы, пленные, для немцев были все на одно лицо, а потому администрация лагеря ничего не заметила. Но кто-то написал в гестапо донос, и за нашей мамой приехала чёрная машина.

Дней десять мы о ней ничего не знали, потом чёрная машина приехала за мной. Меня ввели в большую слабо освещённую комнату. Слева стоял стол, за которым сидел офицер в чёрной эсэсовской форме, перед ним лежала стопка бумаг и стек, непременный атрибут офицеров гестапо. Справа у стены — железный стол, на котором лежали какие-то металлические инструменты, и рядом лавка, тоже железная. Вскоре я на себе узнала, для чего всё это!

Два дюжих гестаповца в чёрной форме с засученными рукавами ввели женщину. Поначалу я даже не узнала свою мать, а узнав, вздрогнула: она еле держалась на ногах, вся в синяках, лицо опухшее, в волосах седые пряди. Но больше всего меня поразили её глаза: яркие зелёные, они стали чёрными, видимо, от перенесённых пыток расширились зрачки. Увидев меня, она рванулась из рук гестаповцев, но они крепко держали её.

Один из гестаповцев схватил меня и, положив на лавку, привязал верёвкой. Меня били нагайками, и из попы брызгала кровь, вырвали ноготь. Мама молчала, я тоже. Почему я молчала?

Горький опыт оккупации и плена научил меня терпеть и молчать. Если кричишь, пытаешься вырваться, тебя просто прибьют. Нам доставалось и нагайками, и стеком, пинком

сапогами, натравливали собак. Часто детей сажали в карцер, из которого они выходили в ужасном состоянии. Мне вообще чаще доставалось. Я была очень шустрой. Рыскала по всему лагерю в поисках чего-нибудь съестного. Я даже умудрялась пробраться в солдатскую столовую и стащить что-нибудь для брата, ведь он был совсем маленький! И неоднократно попадала в карцер. А мама всегда учила: «Терпи, молчи! Мы должны выжить и вернуться домой. Будь сильной!»

Но когда гестаповец схватил раскалённую железяку, я услышала истошный крик матери — это был крик раненого зверя. И когда он приложил раскалённое железо к моей груди, я тоже закричала и потеряла сознание. Очнулась я уже в бараке. Вокруг меня суетились женщины. Они плакали, смывая с меня кровь, и я услышала, как они говорили: «Бедная девочка в восемь лет стала седая!» В тот момент я даже не поняла, что речь идёт обо мне.

Женщины кое-как состригли волосы на голове, которая была пробита, промыли мои раны, наложили на них листья подорожника: других лекарств у нас не было. Сильно болел ожог на груди, кровоточил палец с вырванным ногтем, я не могла сесть на попу, так как вся кожа на ней была порвана нагайками. Скорую помощь не вызывали. Все знали: тех, кого увозила «скорая», в лагерь уже не возвращались. Их увозили в крематорий.

Через два дня привезли мою маму и бросили на нары, я встала, чтобы помочь уже ей. Она была в ужасном состоянии: бредила, не понимала, где находится, звала то меня, то Эдика, ругалась по-немецки и по-русски, всё время просила пить. Я подавала ей воду в ковше, вдруг она выхватила у меня ведро и вылила его на себя, а потом начала биться. На шум прибежали солдаты, привязали её к нарам, но она продолжала биться. Тогда немцы вызвали машину скорой помощи и, кое-как затолкав в неё нашу маму, отправили её в «русскую больницу».

Глава десятая
Моя мама и монахини

Три месяца мы ничего о ней не знали и решили, что она погибла. Вдруг к нам в барак пришла надзирательница и, взяв за руки меня и брата, повела к зданию администрации. Там на ступеньках стояли две монахини. Увидев нас, они всплеснули руками и расплакались. Вид у нас был ужасный: мои раны гноились, белые волосы клочками торчали на голове. У Эдика ножки стали кривые, живот надулся. Одежда рваная, и мы сильно оголодали.

Когда маму увезли на «скорой помощи», мы с братом остались без материнского присмотра. Женщины, живущие в одном с нами бараке, работали на заводе по 12–14 часов, у них были свои дети, о которых нужно было заботиться. Не было лекарств и бинтов. Если заболевал кто-то, увозили в «русскую больницу», из которой никто не возвращался. Жильцы нашего барака пытались нам помочь нам. Но чем они могли помочь? Раньше время от времени в лагерь привозили в больших крытых машинах ношеную одежду и обувь, выгружали всё посреди лагеря. Пленных отпускали в этот день с работы пораньше, и все дружно рылись в образовавшейся куче, выбирая для себя нужное. А с середины 1944 года такие привозы прекратились. Поэтому люди даже одеждой не могли с нами поделиться.

Я, как и все, вставала утром в 5 часов и с двумя котелками шла в столовую получать баланду из брюквы. Ела сама и кормила брата. Он с трудом глотал жижу, хныкал, отталкивал котелок, просил хлебушка. Я не могла, как раньше, лазать под проволоку и ходить на свалку на поиски продуктов. После пыток я ослабла, мои раны ныли и не давали покоя. У Эдика ножки стали рахитичными, живот от баланды из брюквы надулся. Одежда наша порвалась, и мы сильно оголодали. Монахини подхватили нас на руки и понесли к воротам. Надзирательница что-то им говорила, но они её почти не слушали.

За воротами стояла повозка, запряжённая старенькой лошадкой, и мы поехали в неизвестность. Эдик прижался ко мне и с испугом смотрел на женщин в непонятных одеждах. Одна монахиня управляла лошадью, а другая укрыла нас одеялом. Стояла глубокая осень, а мы с братом были полураздеты.

Наш «экипаж» остановился у старинного собора. Открыв большим ключом массивную дверь, монахини ввели нас в комнату, где на кровати сидела наша мама. Я заметила, что

синяки и отёки на её лице прошли, глаза уже не чёрные, а зелёные, но какие-то мутные. Она посмотрела на нас, глаза её загорелись. Она протянула руки, но вдруг забилась в судорогах и упала на кровать. Монахини нажали какую-то кнопку и быстро вывели нас. Навстречу бежал доктор в белом халате. Монахини, что-то сказав ему, повели нас в другую комнату, раздели и посадили в ванну, а одежду выбросили в ведро.

После ванны нам дали чистую одежду: Эдику брючки на бретельках, рубашку, тёплую курточку, носки и ботинки, а мне — платье с длинными рукавами, тёплые трусики, ботинки. Все мои раны протёрли, намазали мазью и перевязали. А потом нас накормили манной кашей. Она была без масла, без сахара и молока, но нам казалось, что ничего вкуснее ни до, ни после войны мы не ели! Мы до блеска вылизали свои тарелки. И долго ещё потом мы с братом вспоминали эту кашу. Монахини смотрели на нас и плакали. К вечеру они отвезли нас в лагерь, положив нам в карманы немного сухарей.

Дня через три дня они снова приехали за нами. В монастыре нас сразу отвели в комнату мамы. Она быстро встала с кровати, обняла нас и расплакалась. Осмотрев меня и увидев, какие страшные незаживающие раны на мне, она снова заплакала. Монахини дали выпить ей какое-то лекарство.

Успокоившись, она рассказала, что у неё было буйное помешательство, здесь её очень хорошо лечат, несмотря на то, что она русская. В монастыре много больных разных национальностей, в том числе и немцев, особенно детей, и поэтому она старается помогать монахиням в благодарность за лечение.

Ещё несколько раз за нами приводили в монастырь. В один из таких приходов мы увидели женщину, которая разговаривала с нашей мамой по-немецки. Она подошла к нам, осмотрела Эдика, а потом меня. Особенно внимательно осмотрела мои раны. Повернувшись к маме, она что-то сказала ей, я поняла только «отдай мне». Мама отрицательно замотала головой: «Нет». Женщина снова настойчиво и быстро стала говорить, показывая на меня. Я не понимала, что она говорит, но почему-то почувствовала к ней доверие, я даже подошла поближе, чтобы лучше понять, что она говорит. Женщина обняла меня, и я прижалась к ней. Мама удивлённо глянула, помолчала и через паузу сказала: «Доченька, хочешь пойти к этой тёте жить?» Я не раздумывая ответила: «Да, хочу». Мама задумчиво посмотрела на меня и махнула рукой: «Ну, хорошо». Женщина заулыбалась, снова обняла меня. Они о чём-то с мамой поговорили.

Когда женщина ушла, мама сказала мне: «Эту женщину зовут

фрау Анна, она ненадолго возьмёт тебя к себе, чтобы подлечить. Как только монашки отпустят меня, фрау Анна придёт, и ты некоторое время поживёшь у неё, подлечишься».

По требованию администрации лагеря через три дня мама вернулась в лагерь. Она рассказала, почему попала в гестапо, что там происходило, и как оказалась в монастыре.

Глава одиннадцатая
Рассказ матери

— На меня одна семья из пяти человек, живущая с нами в одном бараке, написала донос в гестапо. В доносе было написано, что я помогла скрыться сбежавшим из эшелона завербованным солдатам «русской освободительной армии». А как конкретно помогла, не было указано. По-видимому, они не знали, как я это сделала. Кроме того, они написали много неправды: будто каждый советский праздник вставала утром и кричала «Да здравствует Сталин! Ура!».

Всё это помогло мне отрицать написанное и помогло избежать расстрела. Я сказала следователю: «Я не самоубийца, чтобы в бараке, где находится больше трёхсот человек, кричать ура, за которое немцы расстреливают. У меня двое детей, я ради них должна жить».

Меня били, я молчала, потому что знала, стоит мне в чём-то признаться, погибнут спасённые мной ребята, да и меня убьют (немцы не любили предателей и уважали стойких людей). Мне чем-то кололи спину, и я теряла сознание (у мамы всю жизнь на спине были какие-то белые пятна, и она не переносила никаких уколов). Как я всё выдержала? Сама не понимаю. Я знала только одно: я должна выжить, чтобы мои дети не погибли, а потому должна всё отрицать. И отрицала, кричала и яростно ругалась на двух языках. Следователь позже сказал, что он никогда даже от солдат не слышал такого сквернословия.

Именно то, что я ни в чём не призналась, и что в доносе было много заведомо неправдоподобного, спасло меня от казни. Конечно, сыграло свою роль и то, что к концу 1944 года немецкая армия отступала по всем фронтам, положение в Германии было тяжёлым, многие немцы уже думали о том, как спасти свои жизни. Вот почему меня не казнили, а вернули в лагерь умирать: после таких пыток не выживают.

Когда меня повезли в так называемую русскую больницу, на дороге машину скорой помощи остановили монахини… Они уговорили водителя передать меня в больницу, находящуюся в монастыре. Так как я по дороге продолжала биться и чуть не разнесла машину, он с удовольствием передал меня на попечение монахинь. В течение трёх месяцев они лечили меня, пока моё сознание не прояснилось. Я пришла в себя, но не могла вспомнить, кто я, откуда и что со мной случилось. Но вскоре вспомнила и всё рассказала монахиням. Они слушали, охали и

крестились. Больше всего я беспокоилась о детях. Чтобы лечение шло быстрее, они по договорённости с начальником лагеря иногда приводили детей ко мне.

В монастыре не хватало персонала по уходу за больными и, когда мне разрешили вставать, я стала помогать монашкам.

И вот тогда я познакомилась с фрау Анной. Её сын лечился в монастыре, и я много времени проводила у его кровати. Однажды фрау Анна увидела моих детей в монастыре. Первое время она меня ни о чём не спрашивала. А потом спросила, кто я, как оказалась в Германии, что случилось со мной. Не знаю почему, но я доверилась ей и рассказала обо всех своих злоключениях. Фрау Анна слушала и качала головой. Через несколько дней, когда дети были около меня, она подошла и предложила отдать ей мою дочь Лилю. Вначале я испугалась: как это отдать? Но Анна сказала: «Посмотри на Лилю. Она же вся изуродована. Она не выживет или останется уродом, если немедленно не оказать ей медицинскую помощь. Мой муж воевал в России, был ранен и оставлен своими товарищами умирать на снегу. Его спасла русская крестьянка. Он писал мне, чтобы я помогла русским пленным, чем могла. И я хочу спасти твою дочь».

Через несколько дней фрау Анна появилась в нашем лагере и зашла в здание администрации. Вскоре она пришла в наш барак в сопровождении надзирательницы и объяснила, что начальник лагеря разрешил ей взять мою дочь на воспитание. Я опять заколебалась, но Анна заверила меня, что берёт девочку только для того, чтобы подлечить. И я согласилась. Анна взяла мою дочь за руку, и та доверчиво пошла с ней к выходу из лагеря, даже ни разу не оглянувшись. А я стояла и тревожилась, что-то ждёт мою девочку, но я не имела права не использовать шанс на её спасение.

Глава двенадцатая
Я и фрау Анна

Я шла с Анной, которая держала меня за руку, и весело подпрыгивала. Не знаю почему, но я чувствовала, что впереди меня ждёт что-то хорошее. И моё детское чутьё не подвело. Мы подошли к красивому трёхэтажному дому, окружённому большим садом. Как только мы вошли в дом, служанка сразу сняла мою одежду. Увидев раны, всплеснула руками и перекрестилась. Усадив в ванну, подстригла и осторожно, стараясь не задеть раны, искупала меня, надела красивое платье и тапочки.

Она отвела меня в столовую, где стоял большой стол, накрытый белой скатертью, за столом уже сидели фрау Анна и мальчик в белой рубашке, в брюках ниже колен и гетрах. Он был похож на тех мальчишек, которые учились в школе «Гитлерюгенд» рядом с нашим лагерем. Проходя мимо нас, они всегда кричали: «Русские свиньи!» — и кидали в нашу сторону камни, палки, мёртвых крыс и кошек. Поэтому, увидев этого мальчика, я закричала: «Ты есть гитлерюгенд?» Я, как и все дети, довольно неплохо говорила по-немецки и многое понимала из того, что мне говорили. Фрау Анна рассмеялась и сказала: «Нет, нет! Он обычный немецкий мальчик и учится в обычной школе. Все школьники Германии должны носить такую форму. Лиля, это мой сын, его зовут Ганс».

На столе была такая вкусная еда, что у меня кружилась голова. Мне налили суп, который я быстро выхлебала, потом поставили тарелку с кашей и маленьким кусочком мяса. Их я тоже быстро съела и снова посмотрела на стол, но Анна сказала, что мне нельзя много есть, иначе я заболею.

После ужина Ганс повёл меня в сад. От сытного ужина я совсем осоловела и еле тащилась за ним. Ганс взял меня на руки, отнёс в спальню, переодел в ночную рубашку и уложил в постель. Я тут же уснула.

Проснулась я как обычно рано: надо бежать в столовую за едой. Оглядевшись, я вспомнила, где нахожусь. Подошла к окну, но на улице было темно, ничего не видно. Осматривать комнату постеснялась. Снова легла в постель, но не спалось. Захотела в туалет, но не знала куда пойти. Сидела на кровати и терпела. Услышав шаги, очень обрадовалась. Вошла служанка. Я спросила, где туалет. Она вытащила из-под кровати горшок, но я стеснялась при ней садиться на горшок. Служанка всё поняла и, взяв меня за руку, повела на нижний этаж и показала

туалет. Когда я вернулась в спальню, служанка меня снова уложила в кровать, и я крепко уснула.

Утром после завтрака мы с фрау Анной отправились в больницу к знакомому доктору. Осмотрев мои раны, он воскликнул: «О, mein gott! (о, мой бог!)» и сказал, что мне необходимо сделать небольшую операцию. Отвёл меня в операционную, осмотрел и, сделав обезболивающий укол, зашил рану на голове, на правом мизинце, где был вырван ноготь, и на правом глазу. Перевязав все раны, посадил меня в кресло на колёсиках и отвёз в приёмную комнату, поручив фрау Анне посидеть в течение часа около меня, чтобы я не трогала бинты. Мне дали какой-то напиток, и я вскоре уснула.

Проснулась я уже на операционном столе. Врач обрабатывал ожоги на груди, затем наложил какую-то мазь. На машине скорой помощи нас с Анной отвезли обратно в её дом. Анна сама отвела меня в мою комнату, принесла еду, сама с ложки накормила, дала выпить напиток, и я уснула. Время от времени я просыпалась, видела сидящих около меня то Анну, то Ганса. Оказалось, я проспала более суток.

Проснувшись, я почувствовала себя обновленной. Впервые за последние три месяца не было сильнейших болей, которые не давали мне покоя. Передо мной сидел Ганс и улыбался. Он позвал служанку, попросил её одеть меня, так как я вся была перевязана, и осторожно повёл в столовую, где уже находилась фрау Анна. Она рассказала, что доктор — её родственник. С риском для себя он обещал помочь мне, но не мог оставить меня в больнице, так как я русская пленная, и кто-нибудь из персонала мог сообщить об этом в гестапо, но обещал навещать меня. С тех пор действительно приходил часто, делал перевязки и удивлялся, как стойко я терплю боль. Но я такое пережила за последние три месяца, что боль при обдирании бинтов была для меня как укус комара!

Через неделю фрау Анна решила сходить со мной в лагерь, чтобы моя мама не беспокоилась обо мне. Она надела на меня красивое платье, туфли с носочками в тон платья, пальто и шапочку с помпоном и взяла сумку, наполненную продуктами и одеждой. Придя в лагерь, мы вначале зашли в кабинет надзирательницы. Фрау Анна поговорила с ней и вручила какой-то увесистый пакет. Надзирательница, принимая пакет, заулыбалась и вышла. Через несколько минут она привела мою маму и удалилась.

Мама кинулась ко мне, осмотрела и ощупала всю. Только потом она подошла к фрау Анне, обняла её. «Спасибо, спасибо!» — произнесла мама. У фрау Анны появились слёзы на глазах. Она

отвернулась, вытерла слёзы платком и рассказала, как идёт лечение, чем я питаюсь, и о нашей дружбе с Гансом. У мамы тоже появились слёзы. Они разговаривали, а мне хотелось скорей вернуться в дом Анны. Кроме того, я боялась, что меня могут оставить в лагере, и я заторопила Анну: «Пойдём домой!» Мама удивилась: «Ты сказала домой? Значит тебе там действительно хорошо». В этот момент зашла надзирательница и объявила, что пора уходить. Я взяла за руку фрау Анну и потащила её к воротам.

Когда я оглянулась, мама плакала. Я помахала ей рукой. Таким же образом мы приходили ещё несколько раз.

Прошло два месяца. Моей маме уже не доверили работу с документами и вернули её на завод. Мои раны заживали, волосы отрасли. Я даже повеселела. Но при последнем посещении случилась неприятность. Когда мы вошли в кабинет надзирательницы, она почему-то занервничала, быстро вышла и через несколько минут появилась в сопровождении прихрамывающего высокого человека в военной форме с моноклем в глазу. В руках он держал стек и нервно постукивал им по сапогам. Я вздрогнула, потому что этот человек напомнил мне Рауля, и поняла, что ничего хорошего от него ждать нельзя.

Предчувствие моё оправдалось. Военный кричал на фрау Анну, брызгая слюной и стуча по столу стеком. Она пыталась что-то сказать, но он ничего не слушал. Потом военный схватил меня за руку, подтолкнул к надзирательнице и приказал ей отвести меня в барак. Я заплакала, фрау Анна тоже. Военный опять что-то возмущённо стал говорить, а надзирательница потащила меня к нашему бараку. Уложив на нары и накрыв одеялом, сказала, чтобы я тихо лежала, никуда не выходила, и быстро ушла.

Поздно вечером пришла мама с работы. Она рассказала, что в лагере сменился начальник. Вместо прежнего пожилого, по-своему доброго человека, пришёл бывший офицер, воевавший на восточном фронте. Из-за полученной на фронте контузии он был нервным и злым на всех русских. Новый начальник завёл строгие порядки, усилил охрану лагеря, заставил детей старше восьми лет работать на заводе, за каждую провинность подвергал пленных избиению и сажал в карцер.

Через несколько дней в барак пришла надзирательница и сказала, что пришла фрау Анна. «Беги скорей, пока нет начальника».

Фрау Анна передала мне два узелка. Обняв меня, она со слезами на глазах рассказала, что начальник лагеря запретил ей воспитывать русских детей. «Если ты хочешь воспитывать детей, — сказал он мне, — то возьми немецкого ребёнка. Сейчас

много немецких сирот». Фрау Анна снова расплакалась: «Я очень привязалась к тебе и буду время от времени приходить к вам, помогать чем смогу». Надзирательница предупредила, что скоро вернётся начальник. Поцеловав меня, фрау Анна быстро ушла.

Она ещё несколько раз приходила. Но однажды в тот момент, когда она подошла к воротам лагеря и разговаривала с надзирательницей, из своего кабинета выскочил начальник лагеря. Он кричал, брызгая слюной, и топал ногами. Увидев меня рядом с воротами, ударил меня по лицу и, дёрнув за руку, подтолкнул к бараку. Я побежала, на ходу оглядываясь. Начальник лагеря продолжал кричать, а фрау Анна стояла, опустив голову. Ещё раз оглянувшись, я увидела, как она понуро уходит. Больше мы её не видели.

Надзирательница рассказала, что начальник лагеря обещал фрау Анне сдать её вместе со мной в гестапо, если она ещё раз появится около лагеря. После того, как нас освободили союзные войска, мы пытались её найти. Я хорошо помнила дорогу к дому фрау Анны, но там мы нашли одни руины, которые остались после прямого попадания бомбы.

Глава тринадцатая
Последние месяцы плена

Даже после исчезновения Анны начальник лагеря не оставил меня в покое. Так как мне уже исполнилось восемь лет, он отправил меня работать на завод: чистить паровозные топки от сажи. Работа была очень тяжёлой и опасной для здоровья: лопатками дети должны были счищать со стен топки паровоза накопившуюся от сгоревшего угля сажу. Никаких защитных средств не выдавали. Я после пыток в гестапо была больной и слабой девочкой, и уже через две недели я стала кашлять и отхаркивать сажей.

Увидев это, мама испугалась и решила пойти на хитрость. Утром, когда солдаты пришли в барак выгонять пленных на работу, она накрыла меня матрасом и сказала, чтобы я лежала тихо. Хитрость удалась. Солдаты выгнали всех на улицу, а меня под матрасом не заметили.

Так прошло несколько дней. Но на заводе заметил мастер-немец, что не хватает детей. Один солдат зашёл в барак с собакой, которая обнюхивала все нары. Собака быстро нашла мальчика лет двенадцати, который прятался под нарами. И вот она подошла к нашим нарам. Я почувствовала её дыхание и замерла в страхе, ведь я знала, что может сделать со мной такая овчарка. Вдруг матрас приподнялся, и я увидела прямо перед своим лицом раскрытую собачью пасть с огромными клыками. И пёс, и солдат молча смотрели на меня. А я, — маленькая, худенькая, со страшным шрамом на лице, — лежала еле заметным комочком под матрасом и испуганно смотрела на них. Минуты две длилась немая сцена.

Солдата кто-то окликнул, он осторожно опустил матрас, взял собаку за ошейник и ушёл. Я выпрямилась под матрасом, облегчённо выдохнула: опять осталась жива. Видимо, у меня был такой жалкий вид, что и солдат, и собака пожалели меня.

Самым удивительным было продолжение. На другое утро в барак вошёл тот же солдат с собакой. Он подошёл снова к нашим нарам и поднял матрас. Я ему улыбнулась, солдат ответил улыбкой, но прижал палец к губам и положил кусочек хлеба. Собака зарычала, но солдат дёрнул её за ошейник и ушёл вместе с ней. И так продолжалось несколько раз. Даже собака подобрела, лизнув меня в лицо.

Новый начальник лагеря продолжал свирепствовать. Каждый вечер на площадь сгоняли уставших, проработавших 12 часов

пленных и устраивали наглядные экзекуции: одних провинившихся сажали в карцер с мокрыми каменными стенами, где было холодно, и к тому же бегали разные кусачие насекомые. Других избивали нагайками, — такими резиновыми плетьми, на концы которых привязывались металлические гайки; при ударе по телу кожа лопалась, и брызгала кровь. После такого наказания человек несколько дней не мог сесть, а шрамы оставались на десятки лет. Как, например, у меня.

Кроме того, узнав, что дети пользуются проделанным в проволочном ограждении лазом, начальник поменял время подачи электроэнергии и стал наблюдать, что произойдёт. Мы, дети, этого не знали и собрались идти к нашему лазу. Я была очень проворной девочкой и норовила первой пробраться через проволоку. И в этот раз я быстро побежала, но заплакал мой брат Эдик, я вернулась к нему и стала успокаивать его. Вдруг раздался крик. Я обернулась и увидела, как два мальчика повисли на проволоке, их руки были чёрными. Из-за угла вышел начальник лагеря и тряхнул проволоку. Трупы мальчиков свалились к его ногам, лица их тоже были чёрными.

Меня всю трясло. Я быстро вместе с братом спряталась в бараке.

Я так хотела, чтобы этот ужасный человек так же, как мальчики, почернел от проволоки, за которую он продолжал держаться! Но нет! Я слышал его весёлый голос, значит, он был жив и здоров, видимо, выходя из своего кабинета, он дал указание отключить ток.

Мы легли на верхние нары, укрылись одним одеялом, чтобы нас никто не заметил. Я лежала, а перед глазами рисовались разные картины смерти начальника лагеря.

Поздно вечером пришла мама, ей уже кто-то рассказал о случившемся. Она меня обняла и расплакалась, потом стала ругать и кричать, чтобы я не смела больше никуда ходить, чтобы всё время сидела в бараке.

Через несколько дней мы узнали, что наш лютый начальник погиб при бомбёжке. Ура! Теперь я свободно могла ходить по территории лагеря. Но через проволоку ходить уже не решалась.

В середине декабря 1944 года появился новый начальник лагеря. Пожилой, толстый, в поношенной офицерской форме без погон, скорее похожий на бюргера, чем на кадрового офицера. В сопровождении нескольких офицеров СС он обошёл всю территорию лагеря, осмотрел бараки, заглянул в столовую, особенно долго оставался в помещении бани.

Некоторое время ничего не происходило, всё шло по давно заведённому порядку. Но вот 24 декабря, когда немцы отмечали

католическое рождество, объявили выходным днём. В столовой всех пленных накормили пшённым супом, заправленным каким-то жиром, потом дали по кружке молочной сыворотки и куску чёрствого хлеба. Вошёл начальник, поздравил всех с рождеством.

Пленные настороженно смотрели на него, не понимая всего происходящего. Они чувствовали, что всё это неспроста.

На выходе из столовой каждому вручали ещё по куску хлеба, намазанному маргарином, и газету. Люди были озадачены и разошлись по своим баракам молча. Там они развернули газету, она была написана на русском языке. Давно мы не видели какого-либо текста на родном языке. На весь лагерь была только одна, чудом сохранившаяся книга — повесть «Салават Юлаев».

В газете было написано, что германская армия восстановила свои силы и пошла в наступление на всех фронтах, что Советский Союз распадается, и все республики присоединяются к Великой Германии. В газете даже была нарисована карикатура: карта Советского Союза, где откалываются советские республики, а Сталин с большим носом, весь скрюченный, своими длинными руками пытается удержать их. Пленные скептически рассматривали газету, но между собой ничего не говорили, боялись доносов.

Накопленная за долгие годы тяжёлого труда усталость сломила их, и вскоре все уснули. Вдруг громко загудела сирена, предупреждающая о налёте авиации. Люди вскочили с нар и побежали к выходу из бараков, и в этот момент на территорию лагеря упали бомбы. От прямого попадания разрушились три барака. Несколько бомб упали на землю, но не взорвались. Около сотни человек оказались убиты и ранены, в том числе три немецких солдата.

Пленных, взрослых и детей, заставили собирать трупы и раненых, а также откапывать засыпанных землёй. Это была страшная работа! Кругом валялись убитые, фрагменты тел, слышались стоны раненых. Немецких солдат увезли хоронить, а тела пленных закапывали прямо в выкопанные траншеи на территории лагеря. Легко раненных пленных оставили в лагере, тяжело раненных отправили в так называемую «русскую больницу», откуда они уже не вернулись.

Поздно вечером всех собрали на площади. Начальник лагеря сообщил: «Лагерь бомбили американские самолёты по заданию Сталина, который всех пленных из Советского Союза считает изменниками. Их по возвращению на Родину расстреливают или ссылают в Сибирь. Поэтому тем пленным, кто будет хорошо работать, Германия разрешит остаться на жительство в стране. Продолжайте усердно трудиться во имя великой Германии».

Толпа выслушала речь и тихо разошлась по уцелевшим баракам. Утром, когда все вышли на построение, объявили, что на территории лагеря обнаружены неразорвавшиеся бомбы, которые необходимо обезвредить. Всем пленным приказали забрать из бараков свои вещи и строем отвели на завод.

Прежде, чем загнать нас в огромный пустующий ангар, немцы выбрали из строя несколько мужчин покрепче и увели их куда-то. Мы все кое-как разместились на новом месте. Было тесно и холодно, невозможно ни пошевелиться, ни выйти из здания. Вдруг со стороны нашего лагеря послышался мощный взрыв, затем ещё несколько. Люди зашевелились, сидящие у выхода попытались выйти, но за дверями стояли вооружённые солдаты.

Часа через три, когда люди уже изнемогали от тесноты и духоты, двери открылись, и все потянулись из ангара, становясь в строй. Находясь несколько часов без движения, пленные еле двигались. Солдаты стали подгонять их ударами прикладов, а собаки рычанием равняли строй.

На территории лагеря появилось несколько новых глубоких воронок, на земле лежали мёртвые тела. Это были те мужчины, которых увели солдаты. Их заставили разминировать неразорвавшиеся бомбы. Конечно, это закончилось трагически: большинство погибли на месте, другие, тяжелораненые, истекли кровью. Больше бомбёжек лагеря не было, но при звуках сирены мы продолжали прятаться кто куда.

В наступившем 1945 году первые два месяца пленных ещё гоняли на завод. Правда, обстановка была тревожной и нервозной. Количество солдат, охранявших наш лагерь и сопровождавших пленных на работу, с каждым днём всё уменьшалось.

Работа теперь заключалась не в ремонте паровозов и вагонов. Напротив, пленным приказали разбирать станки, производственные помещения, собирать документацию. Всё это грузилось на автомашины и вывозилось.

В середине марта немцы собрали мужчин и погнали на завод. Их заставили минировать оставшееся на заводе оборудование. Многие из них подорвались или были тяжело ранены.

Глава четырнадцатая
Освобождение

Стало понятно, что готовится эвакуация завода, а это означало приближение союзных войск. Но что будет с нами? Бежать невозможно, так как мы не знали расположения фронта, где какие войска находятся. Кроме того, через проволочное заграждение снова круглосуточно стали пускать ток. Собак с вечера и на всю ночь отпускали бегать по территории лагеря. Их уже плохо кормили, они были злющие-презлющие. Невозможно выйти из бараков.

В конце марта 1945 года из ближайших к бане бараков несколько сот человек загнали в помещение переоборудованной бани и пустили отравляющий газ. Мы это поняли на другой день. К бане подогнали огромные грузовики и из большого окна по конвейеру стали загружать трупы. Те, кто увидел эту картину, разбежались по баракам и рассказали, что происходит. Люди в испуге стали прятаться кто куда. Но куда можно спрятаться на территории лагеря? В вырытые траншеи, под матрасы, в разбитые бараки!

Однако несколько дней никто не интересовался пленными. Зато в здании администрации лагеря царила суматоха: подъезжали автомашины, вывозили мебель, документы, что-то жгли на костре. В конце марта в лагерь въехал большой крытый грузовик, из которого выскочило несколько десятков эсэсовцев. Они стали выгонять людей из бараков и направлять к бане. Начался переполох, крики, плач. Мама под шумок схватила меня и Эдика, побежала к дальнему разрушенному бараку и забилась под обрушенную стену, загородившись досками. Постепенно шум в лагере затих, но мы просидели в своём убежище до наступления темноты. Наконец мы добрались до своего барака, уставшие и голодные, и уснули до утра.

Утром все оставшиеся в живых пленные по привычке собрались около столовой, двери которой оказались закрытыми. Все стояли в недоумении. Самые сильные решились вскрыть двери. В столовой никого не было. Зашли на кухню. На полу в беспорядке лежали мешки с кусками засохшего хлеба, с турнепсом и гнилой картошкой. Кто-то стал раздавать хлеб, за которым сразу выстроилась очередь. Вдруг послышался шум въезжающей автомашины. Люди выскочили из столовой и кинулись прятаться. Мама успела ухватить несколько кусков хлеба и спряталась в ближайшем разрушенном бараке.

Мы находились недалеко от здания администрации, и нам были слышны голоса немцев, к которым мама прислушивалась. Она всё время прикладывала палец к губам, давая знак молчать.

Поев хлеба, мы с братом уснули. Спустя какое-то время мама растолкала нас и сказала, что автомашины уехали, и она пойдёт разведать обстановку. Она ушла, а мы спрятались подальше. Вскоре она вернулась и сказала, что немцев не видно, здание администрации закрыто, но пока лучше сидеть тихо.

На другой день снова послышался шум въезжающих автомашин, голоса немцев, лай собак. Лагерь затих, все поняли: приехали за следующей партией жертв. И в этот момент послышался надрывный вой сирены, извещающей о налёте авиации. Солдаты мгновенно взобрались на автомашины и уехали.

Началась массированная бомбёжка. По звуку падающих бомб можно было предположить, что самолёты бомбят, в основном, паровозоремонтный завод. Несколько бомб взорвались на железной дороге. Наш лагерь находился между заводом и железнодорожным узлом, поэтому все бросились прятаться. Как всегда — кто куда. Налёт продолжался несколько часов.

К утру 8 апреля 1945 года стало тихо. Так тихо, что звенело в ушах. И люди сидели тихо, боясь пошевелиться. Гнетущая тишина давила, настораживала. Вдруг послышался шум въезжающих мотоциклов. Опять немцы? Люди ещё больше съёжились в своих укрытиях. Мама крепко прижала меня и Эдика к себе. Въехавшие мотоциклы остановились, послышались голоса, речь была явно не немецкой. Они громко разговаривали, смеялись. Кто-то прокричал в рупор: «Рус, выходи! Рус, свобода!»

Наконец те, кто посмелее, стали вылезать из своих укрытий. На площади лагеря стояли мотоциклы, на них сидели солдаты, как потом оказалось, — американские. Увидев грязных, измождённых, в лохмотьях пленных, солдаты замерли, потом выпрыгнули из мотоциклов и стали пожимать им руки и угощать шоколадом.

Меня подхватил на руки чернокожий солдат, негр, как мне потом сказали. Я испугалась, ведь я никогда не видела таких чёрных людей. Когда же он в улыбке открыл рот, полный крупных белых зубов, я оттолкнула его руками и закричала. Мне показалось, что он сейчас меня укусит. Солдат громко рассмеялся и, поставив на землю, сунул в руки две шоколадки. Я стремглав помчалась к нашему укрытию, чтобы рассказать маме обо всём увиденном и показать подарок.

Днём в лагерь привезли полевые кухни. На запах пищи с котелками потянулись пленные. После трапезы к пленным

обратился американский генерал. Он объяснил, что город освобождён союзными войсками, что в течение трёх дней мы, бывшие пленные, а в настоящее время свободные люди, можем делать в городе всё, что захотим, как победители. Кроме того, нам будет оказана медицинская помощь и налажено питание. После чего американские солдаты во главе с генералом уехали. Пленные, вернее с этого дня бывшие пленные, были ошарашены услышанным и медленно осознавали своё положение свободных людей.

Постепенно люди стали собираться кучками и обсуждать, что им сейчас делать. Наконец решили идти к железнодорожному узлу. Туда в последние месяцы войны немецкие власти при отступлении везли продукты и товары, награбленные в захваченных странах.

Небольшими группами люди направились к станционным тупикам, где стояло множество опломбированных вагонов с награбленным добром. Искали вагоны с продуктами, но когда вскрыли один из них, раздались выстрелы и немецкая ругань. Люди попрятались за ящиками. Шаги стрелявших затихли, и люди всё-таки продолжили вскрывать вагон. В нём оказались посуда, инструменты и даже ящик с пистолетами.

Прихватив инструменты для вскрытия вагонов и оружие для обороны от немецких солдат, люди двинулись осматривать другие вагоны и нашли-таки вагон с продуктами. Погрузив на дрезину тушёнку, сухое молоко, сухофрукты и несколько ящиков с разными консервами, люди стали толкать её по рельсам, ведущим к лагерю (рельсы проходили мимо проволочного заграждения нашего лагеря в сторону паровозоремонтного завода).

Сбежались оставшиеся в лагере, отнесли продукты в столовую. Мужчины открывали пакеты, банки, женщины принялись готовить обед, а дети побежали сзывать всех в столовую. Оголодавшим бывшим пленным, ставшими свободными всего несколько часов назад, требовалось подкрепление. Через час все сидели за столами. Оказалась занятая лишь четвёртая часть столов. Моя мама тяжело вздохнула: «Сколько же погибло человек! Сколько не дожили до победы!» Поняли это и другие и, погрустнев, молча принялись за еду. Хорошая еда, которой мы не пробовали много лет, исправила настроение и вернула силы.

Многие решили пойти на станцию и привезти ещё продуктов на будущее. Прихватив с собой инструменты и оружие, в путь двинулась большая толпа, в том числе и дети. Я как всегда бежала впереди.

Вдруг я увидела, что за вагонами мелькнули люди в немецкой военной форме. «Немцы!» — закричала я и, дёрнув маму за руку, быстро отскочила с ней за какую-то будку. Раздались выстрелы. Люди попадали на землю. Те, у кого было оружие, ответили беспорядочной пальбой. Послышалась немецкая ругань, стоны. Выстрелы из-за вагонов затихли.

Прошло несколько минут. Тишина. Только слышались стоны с обеих сторон. Кто-то пробрался к дрезине, прополз между колёс и, оглядевшись, крикнул: «Никого нет!» Все поднялись и увидели, что среди нас было двое раненых и один убитый. Их положили на дрезину, потом открыли первый попавшийся вагон, в котором оказались продукты и разнообразная одежда. Нашли упаковку с нижним бельём, вытащили из неё нижнюю рубашку и, разорвав на лоскуты, перевязали раненых.

За вагоном послышался стон. Все замерли. В тишине раздался выстрел и быстро оборвавшийся крик. Кто-то из наших полез под вагон. Вернувшись, он сообщил, что немцы-гады оставили своего раненого, и тот застрелился, не желая сдаваться русским.

Двум женщинам поручили отвезти в лагерь дрезину с ранеными и погибшим. Остальные пошли искать другую дрезину и нашли даже две дрезины. Нагрузив их доверху продуктами и одеждой и прихватив ещё оружия, поехали в лагерь, устроили грандиозный обед, перешедший в ужин. Мы, дети, растормошили мешки с одеждой и радостно мерили её на себя. Взрослые тоже присоединились к нам. Только поздно вечером все угомонились и впервые легли спать сытые и довольные.

На другой день мы увидели, что дрезины, которые оставили около лагеря, куда-то исчезли, поэтому пошли к вагонам небольшими группами. Открывали вагоны и тащили оттуда всё, что попадало под руку. Что творилось в бараках! Все нары завалены мешками, тюками, в проходах стояли ящики с разными консервами. На третий день к вагонам пошли только единицы, да и те очень быстро вернулись. Они рассказали, что видели вооружённых немцев, поэтому не стали рисковать. Мужчины на всякий случай вооружились и закрыли все ворота лагеря. Люди вернулись в бараки и стали разбирать принесённое добро и брать себе то, что понравилось. Одежду и обувь мерили, продукты пробовали. Все веселились, смеялись и даже танцевали, но быстро устав, крепко уснули.

Ночью слышались выстрелы. Утром мы увидели у ворот лагеря американских солдат, которые рассказали, что ночью вооружённые немцы пытались проникнуть в лагерь, и им пришлось открыть огонь. Как оказалось, солдаты союзных войск

каждую ночь охраняли наш лагерь во избежание провокаций со стороны попрятавшихся немецких солдат. На этот раз мы не испугались чернокожих американских солдат. Все пожимали им руки, благодарили за освобождение из немецкого плена.

Днём к нам приехал генерал в сопровождении большого количества солдат. Он оглядел принарядившуюся толпу бывших пленных и сказал, что три дня безвластия кончились. С сегодняшнего дня вводится режим чрезвычайного положения. Создана военная комендатура, которая временно будет управлять городом. Порядок в нашем лагере и нашу защиту от нападения немцев будут осуществлять американские солдаты во главе с офицером. Мародёрство и набеги на железнодорожный узел запрещены. В город можно выходить по пропускам с соблюдением комендантского часа и желательно группами по несколько человек, чтобы избежать нападения немецких солдат.

Мы так и делали: собирались группами, обязательно один кто-нибудь с оружием. Столкновения были, но, в основном, с нашей стороны. Заходили в маленькие магазинчики, брали, что понравится, и уходили. Хозяева не сопротивлялись и молчали. Однажды увидев немку на велосипеде, один из нашей группы подошёл к ней и забрал у неё велосипед. Когда он въехал в лагерь на велосипеде, дежуривший у ворот американский солдат сказал, что больше ему пропуск в город не дадут.

Приближался праздник 1 мая. Немцы запрещали нам отмечать советские праздники. В первый год нашего пребывания в лагере накануне годовщины Октябрьской революции моя мама спросила у соседки по нарам, как здесь отмечают праздники. Та прижала палец к губам и прошептала: «Тише! Здесь за это избивают или расстреливают!» И люди перестали вспоминать о праздниках. Да и уставали так, что еле добирались до нар. Не до праздников было. А сейчас мы — свободные! Приоделись, подкормились, набрались сил, вот и захотелось праздника.

Несколько человек пошли к американскому офицеру за разрешением отметить международный день трудящихся 1 мая. Офицер был сыном белоэмигранта, уехавшего из России после революции в Соединённые Штаты Америки. Звали его Майкл, и он неплохо говорил по-русски. Как он пояснил, именно поэтому его и назначили надзирать за лагерем, где находились пленные из Советского Союза. Молодой и весёлый, он по-братски общался с нами, его все называли по имени, чаще на русский манер: Миша. Он не обижался и только смеялся. Майклу понравилась наша идея, и он пообещал поговорить со своим начальством. На другой день Майкл сообщил, что праздник будем отмечать на территории лагеря вместе с американскими солдатами, им тоже

нужно отдохнуть от войны.

И началась весёлая подготовка к празднику! Американские солдаты навезли продуктов. Наши мужчины уговорили немецкого фермера во искупление грехов рейха и его собственных (у него тоже работали пленные) подарить нам одну свинью. Посреди лагеря устроили вертел, на который водрузили потрошёную свиную тушу. Тут же неподалёку поставили принесённые из столовой столы и соорудили один общий большой стол и скамейки, а нам, детям, устроили отдельный стол. Американцы принесли несколько бутылок вина. Нашим мужчинам этого показалось мало, и они тайком от американцев пробрались на станцию, нашли цистерну со спиртом, налили в бутыли и принесли в лагерь. За столом было весело, все смеялись, разговаривали с американцами на смеси трёх языков: русском, немецком, английском, но понятнее был язык жестов. Некоторые солдаты пытались ухаживать за нашими принарядившимися женщинами.

К сожалению, праздник закончился трагически: многим стало плохо. Одних тошнило, другие падали и не могли подняться. Кто-то из американцев вызвал скорую помощь. Приехала бригада врачей. Увидев такое большое количество пострадавших, они вызвали подмогу. Машины одна за другой увозили пострадавших: и американцев, и русских. Выяснилось, что спирт был отравлен мышьяком. Меньше всего пострадали американцы: они были молодые, здоровые и сытые, им промыли желудки, и через несколько дней они уже были в строю. Советские пленные пострадали сильнее. Изнурённый тяжёлым трудом и истощённый длительным недоеданием организм советских пленных трудно поддавался лечению. Многое зависело от количества выпитого. Несколько человек умерло, у других отнялись ноги, испортилось зрение. Было так обидно: пережить все невзгоды плена и пострадать после освобождения!

Через несколько дней в лагерь приехал какой-то большой военный начальник и объявил, что советское командование требует возврата бывших пленных из Советского Союза. Однако он вынужден нас предупредить, что советские власти и в первую очередь сам Сталин считают всех пленных изменниками, независимо от того по какой причине они оказались в плену, и всех нас ждёт ссылка в Сибирь. Поэтому нам даётся время подумать о своей дальнейшей судьбе. Тем, кто решит остаться, будет предоставлено право выбора страны для места жительства. Тех, кто надумает вернуться на родину, будут переданы советскому командованию.

Большинство бывших пленных пожелали вернуться. Они не

верили разговорам о Сибири, они рвались на Родину, домой, к своим родным и близким.

И вот желающих вернуться в Советский Союз погрузили вместе со всем скарбом, которым они разжились после освобождения из плена, повезли на восток, к реке Эльба в больших крытых американских автомобилях «студебеккер». Это были огромные вместительные машины, покрытые брезентом, с высокими бортами и широкими удобными сиденьями вдоль бортов. В каждом автомобиле размещали по 12 человек. Такие машины надолго стали нашим домом, в них мы проехали по Германии, Пруссии, Польше до белорусского города Брест.

Днём мы питались сухим пайком, а вечером приезжала походная кухня, и нам давали горячий ужин. На ночь колонна автомашин, охраняемая солдатами союзных войск, останавливалась в каком-нибудь маленьком городке. Жителей выгоняли из домов, и мы устраивались на ночлег в спальнях хозяев. После мрачных бараков, жёстких нар и драных вонючих одеял немецкие спальни казались нам раем: чистые комнаты и мягкие, приятно пахнущие постели. Всё это было для нас небывалой роскошью. Мы с братом залезали на чердаки, где находили несметные богатства: поломанные игрушки, о которых за годы плена я совершенно забыла, а брат совсем их не знал; открытки невиданной нами красоты. Всё это мы тащили вниз и радостно показывали маме.

Через несколько дней мы подъехали к Эльбе. Красивый старый мост был разрушен при наступлении советских войск на Берлин, и через реку построили временный. Он весь шатался, между досками зияли большие щели. Посередине моста проходила демаркационная полоса, разделяющая оккупационные зоны союзных и советских войск. Все вышли из машин и стали вытаскивать свои вещи. Мама повесила на спину мешок с детской одеждой моей и брата, сама взяла два набитых тканями чемодана, остальное оставила на берегу. Она решила сначала перевести нас через мост, оставить на том берегу и вернуться за остальными вещами. Мы перешли демаркационную линию и ступили на противоположный берег.

Мама оставила нас с вещами и повернула к мосту. Дорогу ей преградил советский офицер: «Вы перешли границу, находитесь на контролируемой советскими войсками земле и возвращаться на чужую землю нельзя». Мама расплакалась: «Там остались наши вещи, главное — тёплая одежда и обувь. Ведь мы едем в Россию, где холодные зимы, мы не знаем, куда приедем, где будем жить». Офицер пожал плечами и жёстко оттолкнул её от моста. Все наши вещи остались на том берегу.

Из репродуктора неслось: «Дорогие товарищи! Самое страшное осталось позади. Родина вас ждёт! Родина вас примет!» Что-то холодное, недоброе было в поведении офицера. Мама зябко передёрнула плечами, сердце защемило от дурного предчувствия. Но вокруг кипела толпа бывших пленных. Люди обнимались с советскими солдатами, осматривали их новую военную форму и погоны, смеялись и плакали. Вот кто-то пустился в пляс, услышав, как солдат наигрывает на аккордеоне «барыню». И мы тоже влились в этот хоровод эмоций, но где-то глубоко в душе затаилась тревога за наше будущее.

Нас распределили по автомашинам по 12 человек. Это были тоже «студебекеры», которые поставляли США по лизингу Советскому Союзу.

Колонну автомашин сопровождали советские солдаты и полевая кухня.

По-особому запомнился Берлин, весь в руинах. Поникшие, голодные немецкие дети, женщины и старики подходили к нашим машинам и, не поднимая глаз, просили у нас продукты в обмен на вещи. А я, глядя на них, вспоминала, как голодали мы. Но не испытывала торжества справедливости. Напротив! Мне было их очень жаль, ведь я знала, что такое голод и как тяжело его переносить!

Помню, как к нашей машине подошла женщина с девочкой моих лет. В руках женщины была большая кукла с белыми волосами, голубыми глазами и в нарядном платье. Девочка тоже держала куклу, но поменьше. Женщина стала показывать нам большую куклу, которая говорила «мама», закрывала и открывала глаза, двигалась, когда её заводили ключом. Я затрепетала, эта кукла — предел моих мечтаний! Увидев моё волнение, мама подала женщине буханку хлеба, а та положила мне в руки куклу. Девочка взглянула на куклу в моих руках и тяжело вздохнула. Женщина что-то сказала моей маме и забрала маленькую куклу у девочки, та горько заплакала. Женщина ударила девочку и обменяла куклу на кусок сахара. Девочка продолжала плакать. Я не выдержала и вернула ей куклу. Она радостно прижала её и улыбнулась мне. Женщина неохотно протянула маме кусок сахара, но тут моя мама отрицательно помотала головой. Немка застыла с протянутой рукой. Но когда мама вторично помотала головой, она радостно улыбнулась, сказала «спасибо!», взяла девочку за руку и они пошли, но постоянно оглядывались и махали рукой. Часа через два женщина снова появилась, что-то положила в руки моему брату Эдику и быстро ушла. Мы осторожно посмотрели, что она положила. Оказалось, что это детская машинка, совсем как настоящая, только не хватало

одного колёсика. Но мой брат рос в плену и никогда не видел игрушек. Он вцепился в эту машинку, прижимал её к себе, катал по земле, дудел, как паровоз, и даже лёг спать вместе с ней.

К сожалению, моя кукла недолго дарила мне радость. На одной из остановок я, вылезая из машины, уронила её на дорогу. От удара о мостовую голова куклы раскололась, и из неё выпали прекрасные голубые глаза. Я впала в ступор. Разбитая голова куклы и лежащие поодаль её глаза! Мне было страшно смотреть на её выпавшие глаза. Это было так, будто рядом с ребёнком разорвался снаряд, и он умирает. Я взяла куклу на руки, попыталась вставить глаза, но они снова падали на дорогу. И тут я впервые разрыдалась. Мама подошла, перевязала кукле голову, вставила глаза, но они не двигались, и я поняла: моя кукла умерла. Я много видела смертей и знала, что нужно делать. Я нашла большую коробку, положила туда куклу, закрыла крышкой, отошла подальше от дороги, выкопала ямку и положила туда коробку. Засыпав ямку, нарвала веток и обложила ими могилку. Я уже не плакала, тихо постояла и пошла к своей машине.

Люди молча наблюдали за мной, у некоторых были в глазах слёзы. Они, как мне кажется, вспоминали смерть своих детей.

Из Берлина колонна машин направилась на восток. Перед отъездом нам выдали паёк на три дня: тушёнку, сахар, галеты, сухое молоко. Эти продукты Советскому Союзу поставлялись из Соединённых Штатов Америки.

Когда мы подъезжали к территории Польши, нас предупредили, чтобы на стоянках далеко от машин не отходили, воду из колодцев не пили и никакое угощение от местных жителей не брали, так как всё это может быть отравленным. Нашу колонну автомашин поляки несколько раз обстреляли. И солдатам Красной Армии приходилось вступать с ними в перестрелку. Мы спрашивали солдат, почему поляки так поступают, они сказали, что многие ненавидят русских. Почему? Солдаты пожимали плечами. Только несколько десятилетий спустя стали понятны причины. В 1939 году между Советским Союзом и Польшей был заключён договор взаимопомощи при нападении какой-либо третьей страны. Но Красная Армия не только не защитила Польшу, но и помогала войскам Вермахта оккупировать её территорию.

В конце июля прибыли в Брест. Город был почти полностью разрушен. Нас поселили в палатках. И начались вызовы к следователям НКВД. Спрашивали у всех: почему не эвакуировался, что делал в оккупации, как попал в плен, чем занимался. Спрашивали, а потом перепроверяли показания. При малейшем подозрении бывших пленных эшелонами отправляли в

ссылку в северные районы страны.

Я почему-то плохо помню события того периода. Запомнился один случай, связанный с нашей судьбой.

В нашем палаточном городке существовало правило: на допрос вызывали только один раз. Если вызывали вторично, значит НКВД (народный комиссариат внутренних дел) раскопал в твоей биографии что-то предосудительное, а с точки зрения НКВД предосудительным могло быть всё, что угодно.

И вдруг нашу маму снова вызвали к тому же следователю. Её охватил ужас! Неужели отправят в Сибирь? А дети? Ведь без неё они пропадут! В страхе кинулась к своей подруге с просьбой присмотреть за детьми, написала ей адреса всех своих родственников, которые могут забрать их. Мама плакала, целовала меня с Эдиком, суетилась, собирая себе узелочек необходимых в дороге вещей. Мы с братом тоже плакали, особенно Эдик. Он повис у неё на шее и кричал: «Мамочка, не уходи! Не бросай нас!» Мама с трудом оторвала его руки от себя и, плача, быстро вышла из палатки с узелком в руках. Мы остались одни. Было жутко. Я уложила брата в постель. Он продолжал всхлипывать, я легла рядом с ним, и незаметно оба уснули. За годы войны мы привыкли быть всегда настороже, и, услышав шаги, я тотчас проснулась: в палатку входила мама со своей подругой.

Я кинулась к ней. Мама села на кровать, обняла меня и Эдика и рассказала, что с ней произошло. Когда она вошла к следователю, он жёстко заговорил: «Вы, товарищ Дерябина, не всё нам рассказали, вы кое-что скрыли!» Мама испуганно залепетала: «Нет, нет, я всё рассказала». Следователь постучал карандашом по столу и сурово заговорил: «Вы скрыли от нас фамилию тех, кто написал на вас донос в гестапо». Мама ответила: «Но я не знаю, кто написал. В гестапо мне никого не называли». Следователь усмехнулся: «А вот я их назову. Вы должны знать своих врагов и врагов нашего государства». И он назвал, и пояснил, что это семья из Белоруссии: отец, мать и трое взрослых сыновей. Отец при немцах служил старостой в деревне и сильно лютовал. Сыновья дезертировали из Красной Армии. Вся семья добровольно поехала на работу в Германию, надеялись разбогатеть. Но немцы всех советских людей считали своими рабами и их, как и насильно угнанных, отправили за колючую проволоку в бараки, заставив работать на заводе наравне со всеми. Они и в лагере пытались выслужиться. Случайно узнав о побеге ребят из «русской освободительной армии», написали донос в гестапо.

После своего монолога следователь вручил нашей маме

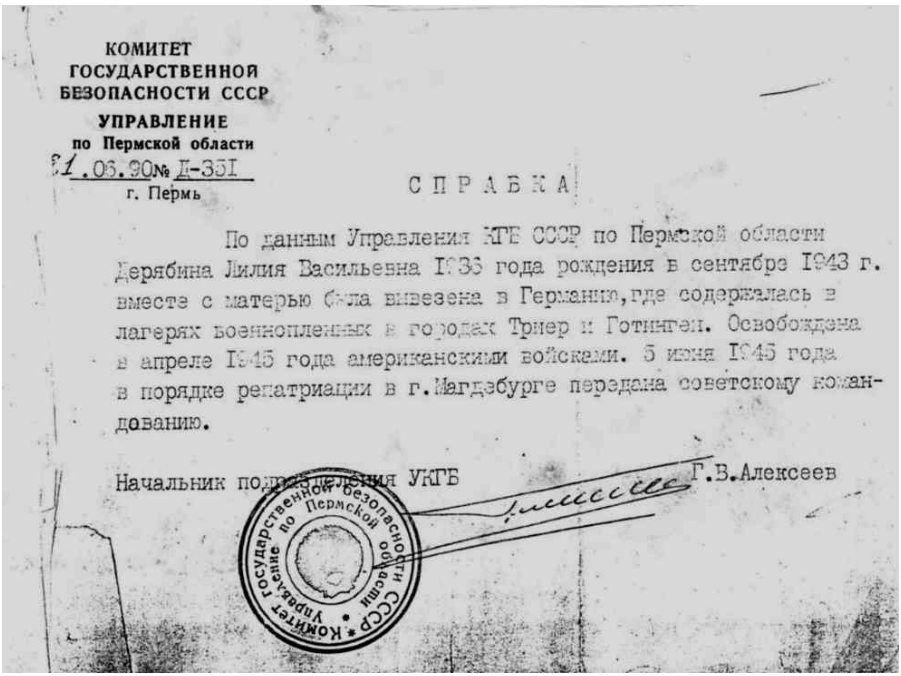
новенький советский паспорт и сказал: «Антонина, ты теперь можешь жить и работать там, где захочешь, ты теперь полноценный советский гражданин». Посмотрев на узелок в её руках, он усмехнулся: «Что, испугалась? Скажи спасибо, что побывала в гестапо, иначе тоже загремела бы на Север. Ладно, иди к детям и готовься к отъезду». Рассказав всё, мама обняла меня и брата: «Ну, дети, поедем домой, на Дальний Восток. У нас там квартира, я вернусь на работу! Заживём!»

Через неделю нам вручили билеты, и мы радостно стали собираться в дорогу, надеясь в ближайшее время добраться до Владивостока. Мы не ведали, что впереди нас ждут суровые испытания уже в родной стране.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

Адрес для связи с автором: deriabina.lilia@yandex.ru

Приложение
Фотоиллюстрации



КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ СССР
УПРАВЛЕНИЕ
по Пермской области

21.06.90№ Д-351
г. Пермь

СПРАВКА

По данным Управления КГБ СССР по Пермской области Дерябина Лилия Васильевна 1936 года рождения в сентябре 1943 г. вместе с матерью была вывезена в Германию, где содержалась в лагерях военнопленных в городах Трир и Готинген. Освобождена в апреле 1945 года американскими войсками. 5 июня 1945 года в порядке репатриации в г. Магдебурге передана советскому командованию.

Начальник подразделения УКГБ Г.В.Алексеев

Комитет государственной безопасности СССР Управление по Пермской области

1. Справка из КГБ.

2. Лиля и мама Антонина Алексеевна Дерябина, июнь 1941 г.

3. Лиля и папа Василий Павлович Матюхин.

4. Предвоенная фотография мамы.

5. брат Эдик, г. Пермь, 1953 г.

6. Лиля, мама и Эдик, г. Пермь, 1954 г.